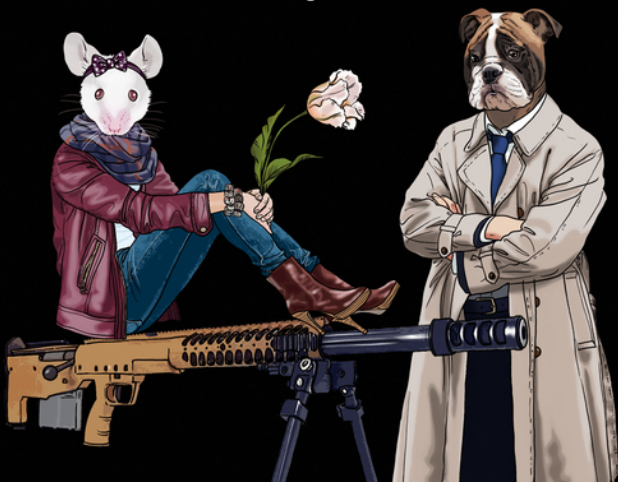

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А
КУЛИКОВА

Свадьба с риском для жизни,
или Невеста из коробки

Галина Михайловна Куликова
Свадьба с риском для жизни,
или Невеста из коробки
Серия «Изысканный детектив
от Галины Куликовой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8386805

Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь ; Свадьба с риском для жизни, или Невеста из коробки : романы / Галина Куликова: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-84550-7

Аннотация

Несчастья Милы начались, когда она явилась в редакцию журнала, где работал ее друг детства Алик. Он вдруг в припадке страсти вытащил ее на балкон и поцеловал. В этот миг Мила увидела мужика в черных колготках на морде. Он дважды выстрелил в нее, но промазал. Алик ничего не заметил – ведь пистолет был с глушителем! Вернувшись домой, в подъезде Мила познакомилась с Константином Глубоковым, назвавшимся частным сыщиком. Дед братьев Глубоковых изобрел наркотик-«невидимку», продал кому-то его состав, и тут деда хватил удар. Клиент оставил ему телефон для контактов,

по нему братья вышли на Милу и сняли квартиру прямо над ней. Братья в курсе всех событий в ее жизни, но, как и она, не понимают, чем и кому она мешает? Мила с упорством маньяка начинает расследование и... приходит к выводу, что все мужики – поганки...

Содержание

1	6
2	11
3	30
4	34
5	48
6	59
7	79
8	87
9	96
10	104
11	119
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Галина Куликова

Свадьба с риском

для жизни, или

Невеста из коробки

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

– Ну, что там с дедом? – с порога спросил Константин Глубоков, стряхивая с зонта прилипшие капли.

Встречавшие его брат и сестра хмуро переглянулись.

– С бабушкой случился удар, – произнесла Верочка дрожащим голосом.

– Я знаю. Нужно чем-то помочь?

– Нет, мы тебя не из-за этого вызывали.

– Из-за чего же?

– Кажется, дед совершил нечто ужасное, – сообщил Борис, первым входя в комнату и падая на диван.

– Мы, конечно, не можем утверждать, но... – Верочка яростно накручивала на палец локон, пряча голубые глаза от старшего брата.

– Перестаньте меня готовить, – рассердился Константин. – Давайте по существу.

Он тоже был голубоглаз. Намокшая темная челка топорщилась, придавая ему взъерошенный вид.

– Наш химический гений что-то изобрел, – мрачно сказал Борис. – Какую-то гадость.

Борис уступал старшему брату ростом и в отличие от него обладал внешностью простачка, хотя был весьма неглуп и удачлив.

– В каком смысле гадость? – опешил Константин.

– В самом прямом.

Константин некоторое время медлил, разглядывая расстроенные физиономии родственников, потом осторожно поинтересовался:

– И где же эта гадость сейчас?

Борис двинул бровями и заявил:

– Дед отдал ее неизвестному.

– Вот как? – пробормотал Константин, не понимая, из-за чего, собственно, столько переживаний. – Я что-то не совсем...

Тогда Верочка набрала полные легкие воздуха и выпалила:

– Мы полагаем, дед придумал новый синтетический наркотик.

Константин рассмеялся:

– Наш ученый дед? Вы что? Да его монографии издаются на пяти языках! Как лауреат... – Он оборвал себя на полуслове и мрачно уставился на собеседников. – С чего это вы взяли?

– В последнее время дед вел себя странно, – едва не плача, принялась рассказывать Верочка. – Сначала злился. Говорил, что ученый не должен быть бедным. Сутками пропадал в лаборатории. И вот в один прекрасный день он переменялся. Стал постоянно посмеиваться, потирать руки. Когда мы его спрашивали, в чем дело, он бил себя в грудь и хохотал. Говорил: «Я – Крез, я – граф Монте-Кристо, я – Билл

Гейтс». Говорил, что мы все скоро заживем по-другому. Это началось уже после того, как приходил тот человек.

– Тот человек? – эхом откликнулся Константин.

– Он приходил несколько раз. Тайно. В последний раз я решила подслушать. – Верочка искусала нижнюю губу до красноты. – Я слышала, как в разговоре с ним дед называл свое творение «невидимкой». А тот человек... Он сказал, что сделать то, что сделал дедушка, – это все равно что открыть нефтяное месторождение...

– Может быть, он изобрел лекарство от СПИДа? – высказал догадку Константин.

– Ну конечно! – Борис достал сигарету и принялся ее жевать. – Любое лекарство сто лет тестировать будут. На нем быстро не разбогатеешь.

– Я слышала, как он говорил тому человеку: «Честные граждане меня, конечно, не одобряют...» – пискнула Верочка.

– На чем сегодня можно быстро сделать большие деньги? – спросил Борис и сам же ответил: – На оружии и наркотиках. Ты же не маленький.

– Может быть, поспрашивать его коллег в лаборатории? – задумчиво пробормотал Константин.

– Даже не вздумай! – ахнула Верочка. – Так мы только опозорим фамилию.

– Но все это исключительно ваши домыслы, – немного подумав, заявил Константин.

– Если не считать чемоданчика с долларами, то да, – груст-

но подтвердила Верочка.

– Чемоданчика? Ничего себе тара! И много там денег? – мертвым голосом спросил Константин.

– Мы даже побоялись считать. Слишком много. Тысячи долларов. И они настоящие, Борис проверил несколько купюр. Мы не знаем, что делать с этими деньгами.

– Только этого нам не хватало!

– Если «невидимка» – действительно наркотик и дед передал кому-то технологию его изготовления или, допустим, пробную партию, мы оказываемся в ужасной ситуации, – подытожил Борис. – Когда этих деловичков накроют, рано или поздно выйдут на деда. Вся его заслуженная жизнь полетит коту под хвост! Бабушка этого не переживет.

– А что говорят врачи? Граф Монте-Кристо выкарабкается после удара? – с сумеречной физиономией спросил Константин. – Ведь, чай, не мальчик уже.

– Если это и случится, то не сей секунд.

– И что вы надумали? – Константин пытливо взглянул на брата и сестру по очереди. – Обратиться к органам?

– Да ты что?! – взвился Борис. – У меня бизнес, у тебя репутация. На всю жизнь засветимся! Нет-нет, тут придется действовать самим.

– Надо точно узнать, что такое «невидимка», – поддержала Бориса Верочка. – Как он выглядит, как действует, в чьи руки попал. А потом уже думать, что делать дальше. Может быть, придется даже выкрасть его!

– У вас есть какая-нибудь зацепка? – спросил Константин, потирая подбородок. – Имя покупателя, например?

– Имени нет, – сокрушенно покачала головой Верочка. – Но зато я слышала номер телефона, который тот тип дал деду. Он сказал, это контактный телефон. Я его сразу запомнила, потому что в нем полно пятерок.

– Телефон, разумеется, принадлежит какой-нибудь старушке, – пробормотал Константин.

– Боюсь, ты недалек от истины, – кивнула Верочка. – Незнакомец сказал, надо передать для него информацию женщине, которая ответит на звонок.

– Пока что мы выяснили только адрес той квартиры, где установлен телефон, – сообщил Борис. – Там прописана всего одна дама. Некая Людмила Николаевна Лютикова.

– Что ж, – сказал Константин, хлопнув себя ладонями по коленям. – Действовать нужно быстро, пока дело не приобрело опасный размах. И раз уж у нас нет ничего более конкретного, займемся Людмилой Николаевной Лютиковой.

Мила Лютикова неторопливо вошла в подъезд представительного офисного здания и важно кивнула охраннику. Путь ее лежал на второй этаж, в редакцию журнала «Возраст женщины», конкретно – в кабинет главного редактора Алика Цимжанова. «Возраст женщины» был толстым иллюстрированным изданием, большую и лучшую половину которого составляла реклама духов, пудры и колготок. Мила писала для журнала маленькие рассказы, взятые, как нагло сообщалось читателям, прямо из жизни. На самом деле они были высосаны из пальца и именно поэтому шли хорошо, как крупные семечки на базаре.

Мила относилась к своему творчеству весьма цинично и держалась за сотрудничество двумя руками только ради небольшого, но постоянного заработка. Алик Цимжанов был ее другом детства. Мила полагала, что он давно и безнадежно в нее влюблен. Пожалуй, это объясняло тот факт, что за три года сотрудничества ни один из ее опусов не завернули. Кроме того, никто не решался эти опусы править, поэтому в руки домохозяйек попадала авторская отсебятина в чистом виде.

– Добрый день! – бодро поздоровалась она с секретаршей главного, Любочкой Крупенниковой, распахивая дверь в приемную.

Любочка была бы очень хорошенькой, не носи она на людях злое лицо с художественно выщипанными бровями. Брови неподвижно стояли над вредными глазами двумя коромыслами. Любочка терпеть не могла Милу Лютикову и всегда старалась ей напакостить, насколько позволяли, разумеется, ее секретарские полномочия.

– Главный у себя? – спросила Мила, замедляя шаг, но не останавливаясь.

– У себя, но безумно занят, – подскочила Крупенникова.

– Говорите так всем, кто появится после меня! – бросила ей Мила. – И с таким же зверским выражением лица.

Она ударила в дверь костяшками пальцев и вошла, не дожидаясь ответа. Алик Цимжанов сидел за столом, сдвинув очки на затылок, и увлеченно грыз попку шариковой ручки, нависнув над бумагами. Ему, как и Миле, недавно исполнилось тридцать восемь, он мог гордиться хорошим ростом, приятным смуглым лицом и густыми черными волосами. Алик всегда старался производить впечатление человека открытого, конструктивного и добродушного. На самом же деле он был скрытен и коварен.

– Милочка! – вскинулся он, когда его подруга и по совместительству авторша вошла в кабинет. – Ты сегодня потрясающе выглядишь!

– Ловлю тебя на лести, – ответила та. – Вчера вечером у моего родственника был день рождения, я напилась пьяная и сегодня утром сестрица едва отскребла меня от постели.

– Ночевала не дома?

– Не дома, но без удовольствия.

– Кофе хочешь?

– Буду очень тебе признательна. А то моим языком сейчас можно зашкуривать деревяшки.

Алик связался с секретаршей и потребовал у нее кофе.

– Ну, давай свой опус, – сказал он и протянул руку, в которую Мила послушно вложила пластиковую папку.

– Может, сразу посмотришь? – спросила она.

– Нет, потом. Хотел с тобой поговорить... О личном.

Алик заметно смутился, залез двумя руками в волосы и пошевелил там пальцами. Очки шлепнулись на стол.

– Черт! – выругался он и, выйдя из-за стола, предложил: – Сними пальто, здесь жарко.

– Ладно, только под ним у меня вчерашнее вечернее платье. Немного не к месту.

Мила сбросила пальто и платок на руки Алика, и он, окинув ее быстрым взглядом, неожиданно схватил за запястья.

– Милочка! – сказал он вкрадчиво.

«Или хочет признаться в любви, или отказать от места», – расстроилась она. В этот момент секретарша принесла кофе. Алик отдернул руки и нервно принял у Любочки поднос. Проводив ее неприветливым взглядом, дождался, пока дверь закроется.

– Милочка! – снова начал он, поддав пыла.

В дверь постучали.

– Какого черта?! – прошипел Алик, но тут же опомнился и раздраженно крикнул: – Да?

Милены руки, которые он до этого ласково тискал, снова оказались в ее полном распоряжении. Поэтому она ловко сняла с подноса чашечку кофе и уничтожила ее в два глотка. В двери тем временем приоткрылась щелка, и секретарша задушенным голосом сообщила, показав главному хитрое личико:

– Альберт Николаевич, приехали поляки.

– Чудесно! – иронически воскликнул тот и приказал: – Отведите их в кафе на первый этаж и напоите кофе. Я на вас рассчитываю.

Любочка молча захлопнула дверь, едва не прищемив себе нос. В ту же секунду на столе у Алика зазвонил телефон.

– Ну их всех к черту! – рассердился тот и потянул Милу к балконной двери. – Выйдем на воздух, там нам никто не мешает.

Балкон был узким и опоясывал весь этаж особняка. Повсюду возле перил стояли одинаковые одноногие пепельницы. Алик глубоко вздохнул и снова схватил Милу за руки.

– Милочка! – в третий раз начал он заготовленную речь и прижал ее ладошки к своей груди. В сравнении с прохладным сентябрьским воздухом грудь была горяча, что чувствовалось даже сквозь рубашку. – Так больше продолжаться не может!

Одинокий желтый лист пролетел мимо его головы и при-

землился на перила. «Пожалуй, от места не откажет», – тут же решила практичная Мила. Она никогда не флиртовала с Аликом и не очень хорошо понимала, чем спровоцировано сегодняшнее объяснение. То, что это будет объяснение, сомнений у нее уже не вызывало. Темные цимжановские глаза пылали, словно уголья.

– Моя жена Софья с ума сходит от ревности! – выпалил Алик, притягивая Милу еще ближе к себе. – Она видит меня насквозь. Так неужели ты до сих пор так ничего и не поняла?

Кто-то черный высунулся на балкон из дальней двери за спиной Цимжанова и тут же исчез. Мила ошалело моргнула. Видение выглядело до того странным, что она даже толком не поняла, что это было. Ей снова пришлось перевести глаза на Алика, который возжелал полностью завладеть ее вниманием.

– Мне очень обидно, Милочка, – жарко прошептал тот, с нежной решительностью приподнимая ее подбородок указательным пальцем, – что я столько лет терплю сцены ревности понапрасну.

«Типично мужская логика, – мрачно подумала Мила. – Жена его ко мне ревнует, и ему надоело зря страдать. Он решил добиться взаимности, чтобы хоть как-то покрыть нервные затраты. Практично, ничего не скажешь».

– Скажи «да», дорогая! – потребовал Алик, который, словно обогреватель, вырабатывал устойчивое тепло. – Скажи, что ты станешь моей!

В тот же миг черный человек появился снова. Судя по всему, он выглядывал из кабинета, находящегося дальше по коридору. Теперь Мила рассмотрела его как следует. На нем была черная водолазка и черная кожаная куртка. Но не это ее так потрясло. На голову неизвестного были натянуты черные колготки. «Ноги», завязанные на макушке бантиком, свисали по обеим сторонам головы, словно заячьи уши.

Когда Алик начал приближать жаждущие любви губы к лицу Милы, черный человек поднял пистолет и, вытянув обе руки вперед, нажал на курок. Раздался сухой щелчок, и Мила почувствовала, что мимо ее уха что-то пролетело. «Неужели пуля? – ошарашенно подумала она. – И стреляют – в меня?!» Алик, конечно, не обратил на звук никакого внимания. Внизу раскинулся оживленный проспект, троллейбусы щелкали усами, дребезжали чем-то дорожные рабочие, фырчали грузовики. Так что вместо того, чтобы обернуться, Алик прижался к ее губам трепетным ртом и закрыл весь обзор.

Когда Мила дернулась в его руках, он ее отпустил. Она тут же выглянула из-за его плеча и вскрикнула. Черный человек по-прежнему держал пистолет на изготовку. Едва Мила появилась в поле его зрения, он послал в ее сторону вторую пулю, но она тоже пролетела мимо. Быстро опустив оружие, незнакомец нырнул в балконную дверь и скрылся. От испуга и от неожиданности Мила застыла, словно деревянная, вытаращив глаза. Цимжанов принял ее состояние на свой счет.

– Понимаю, ты потрясена, – покровительственно сказал он. – Может быть, мне следовало сделать это в иной обстановке. Кстати, что ты скажешь по поводу совместного ужина? М-м-м... Допустим, в пятницу?

– Ка-ка-ка... – закаркала Мила.

Она хотела сказать: «Кажется, меня хотели убить», но фраза не шла с языка. Совершенно очарованный ее замешательством, Цимжанов неожиданно проявил подлинную страсть. Быстро обняв Милу, он поцеловал ее снова – коротко, но очень жарко.

– Дорогая, я тебе позвоню. А сейчас, извини, у меня поляки.

Он осторожно провел ее в кабинет, помог надеть пальто и еще раз поцеловал, перед тем как распахнуть дверь. Морда у него была довольной. Судя по всему, он пребывал в уверенности, что крепость пала.

Мила тем временем на не слушающих ее ногах вышла в приемную. Поляки, устремившиеся в кабинет, по пути кидали на нее любопытные взоры. Еще бы! Бесплатное развлечение: восторганная дамочка в длинном распахнутом пальто, бледная и не слишком молодая, с совершенно дикими зелеными глазами.

– Привет, поляки! – мертвым голосом произнесла она, отшатнувшись от юноши в черной кожаной куртке.

Юноша в ответ «запшекал» по-польски, и Мила поспешила ретироваться. Очутившись в коридоре, она, вместо того

чтобы свернуть к лифту, направилась в другую сторону, заглядывая во все кабинеты по очереди. В первом сидел важный мужчина, который даже не поднял глаз, когда она пробормотала свои извинения. Мужчина был толстым и, судя по всему, коротким. Совсем не таким, как человек в черном. Второй кабинет был закрыт.

В третьем по счету – а, по рассуждениям Милы, это был именно тот кабинет, в котором прятался убийца, – шел ремонт. И в нем никого не оказалось. Пахло мокрой штукатуркой и клеем, по полу были расстелены влажные газеты, стояли ведра, валялись мохнатые тряпки. В углу скучали рабочие башмаки, покрытые белыми кляксами. Трепеща, Мила вошла внутрь и стала искать следы присутствия убийцы. Минут пятнадцать спустя, ничего не обнаружив, она на ватных ногах покинула здание и двинулась восвояси.

«Спина Алика, – рассуждала она по дороге, – была отличной крупной мишенью. Но человек в черном проигнорировал ее. Значит, покушение было организовано именно на меня!» Мила до сих пор не могла отделаться от зрелища стоявшего перед глазами дула, в которое она несколько секунд неотрывно смотрела. Что, если тип с пистолетом поджидает ее где-нибудь на улице? Впрочем, интуиция подсказывала ей, что этого просто не может быть. Убийца-неудачник наверняка скрылся. Ведь она должна была поднять крик на всю редакцию.

«Кстати, почему я не стала кричать? Почему не рассказа-

ла обо всем Алику? Надо было схватить его за плечи и развернуть лицом к человеку в черном. Или заорать что есть мочи. Упасть на пол, в конце концов! Реакция подвела», – огорченно подумала Мила. Она всегда столбенела, когда случилось что-нибудь непредвиденное. Домой ехать было страшно. Вдруг мужик с колготками на голове затаился в подъезде? Поймав такси, Мила велела везти себя в родительский дом, где накануне целый полк родственников отмечал день рождения свежее испеченного мужа ее сестры Ольги и откуда, собственно, она явилась в редакцию.

Ольга была на несколько лет старше Милы и вела активную брачную жизнь. Николай Михеев стоял в ее списке четвертым. Это был скользкий тип с прилизанными волосами и вкрадчивыми манерами. Красавец черной масти, мужчина с классической злодейской внешностью и идеальным пробормом.

Когда Мила позвонила в дверь, именно Николай первым появился на пороге.

– А, дорогая свояченица! – врасстяжку сказал он. Ольга убедила мужа, что именно так его голос звучит особенно сексуально. – Рад, что ты вернулась. Вчера я не успел поблагодарить тебя за подарок. Ну-ка, дай я тебя поцелую!

Мила, изо всех сил скрывая отвращение, подставила вчерашнему имениннику щеку. Лобзая ее, в зеркало возле вешалки тот увидел, как она сморщила нос, и ехидно спросил:

– От меня что, пахнет чем-то неподобающим?

– Жидкостью для полоскания рта, – пробормотала та.

– А ты, конечно, считаешь, что мужчина должен пахнуть конюшней?

– Хотя бы табаком.

– Достаточно того, что табаком пахнет моя жена, – ухмыльнулся Николай.

В тот же миг, словно по заказу, его жена возникла в коридоре. Она была длиннее Милы на полголовы, имела высокие скулы кинодивы и божественный рот, который большую часть суток портила зажатая в нем сигарета. Кроме того, у нее была качественная фигура с широкими плечами, маленькой грудью и плоским животом. Более короткая и круглая Мила иступленно ей завидовала.

– Ольга! – воскликнула она, скидывая туфли. – У меня приключение! Ужасное!

– Встретила кого-то из своих старых любовников? – Ольга пыхнула сигаретой, втянув щеки, и стала похожа на Марлен Дитрих.

Мила увлекла сестру на кухню и усадила за стол.

– Я поехала в редакцию. Когда мы с Аликом вышли на балкон, кто-то пальнул в меня из пистолета!

– Ты, конечно, шутишь, – ровным голосом откликнулась та.

– Черта с два! В меня стреляли. Дважды. У этого типа на голове были колготки. Теперь я не знаю, как мне жить дальше.

– Вопрос поставлен некорректно. Как жить, ты знаешь. Ты не знаешь, что сделать, чтобы не умереть.

– Издеваешься, да? Не веришь мне?

– Верю, просто никак не могу прийти в себя, – сообщила Ольга. Потом вдруг набросилась на сестру: – Ты чего же сразу милицию не вызвала? Надо было поднять шум до небес. А ты?!

– Я растерялась, – коротко пояснила Мила.

– Знаю я тебя. Разинешь рот и стоишь, как светофор. С детства ненавижу эту твою манеру.

– Это не манера, а своеобразная реакция организма на испуг, – оскорбилась Мила. – Я попала в ужасную ситуацию. Звонить в милицию уже поздно. Алик, который был со мной на балконе, ничего не видел. И не подтвердит. Идти домой мне страшно. Можно, конечно, спрятаться здесь, в родительском доме. Но не до бесконечности же мне прятаться!

– Давай посоветуемся с Николаем, – предложила Ольга.

– Да ну его к черту! Прости за откровенность, но он ведь глуп, как пробка!

– Ну, тут уж, милая моя, или красота, или извилины. Профессор у меня уже был, и ты в курсе, чем все закончилось.

– Ты еще не знаешь, чем у тебя закончится с Николаем, – резонно заметила Мила.

– С Николаем я никогда не разведусь! – горячо заявила Ольга. – Четвертый муж – все равно что поздний ребенок.

– Я вставляю эту сентенцию в свой очередной рассказ. Все

тетки просто умрут от восторга.

– Давай хряпнем по рюмочке для храбрости, – предложила Ольга и достала какую-то пузатую маленькую бутылку.

– Если я напьюсь, меня можно будет брать голыми руками. Ты же знаешь, до чего я пьяная беззащитная.

– Ты и трезвая беззащитная. – Ольга принялась пить одна. На пороге кухни появился Николай. Опершись о косяк, он скрестил руки на груди и заметил:

– Если я не ошибаюсь, наша Мила не так давно посещала спортивную секцию, где ее учили приемам самообороны.

– Ты что, подслушивал? – возмутилась Ольга.

– Да нет, просто до меня долетела твоя последняя фраза по поводу беззащитности.

– Инструктор, когда увидел Милку в трико, сразу растерял все свои навыки, – хихикнула Ольга.

– Надо отдать ему должное, он не взял с меня денег, – пробормотала та. – Даже за ущерб.

– Что же за ущерб ты ему нанесла? – лениво поинтересовался Николай.

– Сломала ему руку.

– Ого!

– Он уронил меня на мат. А я терпеть не могу заигрываний. В общем, получилось недопонимание.

– Как ты думаешь, Николай, – рисуясь, спросила слегка захмелевшая Ольга. – Сколько стоит нанять телохранителя?

– Твой папа потянет, – шевельнул бровью тот.

– Слышь, – толкнула Ольга сестрицу в бок. – Наш папа потянет.

– Николай! – Мила твердо посмотрела на Ольгиного мужа. – Не мог бы ты на некоторое время испариться?

Николай фыркнул и удалился, шаркая тапочками.

– Боже мой, какой противный тип! – воскликнула Мила.

– Как ты можешь писать свои карамельные рассказы и до такой степени презирать мужчин?

– А что, прикажешь ими восхищаться?

– У тебя ведь двадцатилетний сын! – всплеснула руками Ольга.

– Это святое. Надеюсь, он будет не таким козлом, как все остальные.

– Итак, что ты решила? Попросишь у папы денег на телохранителя?

– Смеешься ты, что ли? Можешь себе представить, что начнется? Папа побежит к маме, мама упадет в обморок. Тут же последует серия телефонных переговоров с друзьями и знакомыми. Забурлит вся Москва, меня посадят под замок, и я неизвестно на какой срок лишусь свободы.

– Может быть, это все же лучше, чем быть пристреленной?

– Пожалуй, я забаррикадируюсь в собственной квартире. Там мне всегда найдется дело. Почитаю книжки, послушаю музыку. Пока все не прояснится.

– А кто будет все это прояснять? – привязалась Ольга.

И тут же высказала свежую идею: – Надо нанять частного детектива.

– Не думаю, что в настоящий момент у меня хватит средств и на частного детектива.

– Ну, ты даешь! – открыла рот Ольга. Сигарета выпала у нее изо рта и запрыгала по линолеуму. – Имея такого мужа, как Орехов... – Она догнала ее тапочкой и безжалостно придавила.

– Мы не живем вместе уже несколько месяцев, – напомнила Мила. – Мы в состоянии развода.

– Ну и что! Вы же все еще не развелись. И ему не может быть безразлична твоя судьба. Ведь ты мать его единственного сына!

– Ты рассуждаешь как дура.

– Но Орехов никогда не казался мне корыстным!

– Он бескорыстен. Если небо над его головой безоблачно. Если же у него что-то не ладится, он захлопнет передо мной дверь.

– А как у него сейчас? Безоблачно?

– Да не знаю я. С тех пор как он услал Лешку в Берлин, мы почти не общались. Так, постольку поскольку.

– Хорошо, давай напряженно думать, – предложила Ольга. – Может быть, нам удастся без милиции и частного детектива выяснить, почему в тебя стреляли. В первую очередь необходимо отыскать мотив. Кто стрелял – это дело десятое. Может быть, ничего не имеющий лично против тебя испол-

нитель. А вот кто заказал? Кому выгодно?

— Никому, — тотчас же ответила Мила. — Думаешь, я не задала себе сразу же этот вопрос? Я на секундочку представила, что обратилась в милицию. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что заинтересует следователей в первую очередь. С кем я путаюсь — раз, и кому материально может быть выгодна моя смерть — два.

— Ну, — сказала Ольга. — А теперь отвечай на оба вопроса. Хотя я и сама могу ответить. Путаешься ты с Гуркиным, который моложе тебя на десять лет. Но зачем ему тебя убивать — непонятно. Он аспирант, интеллигент, материально в твоей смерти не заинтересован.

Чтобы сестра не заметила, как она краснеет, Мила подперла щеки руками. О ее подлинных отношениях с Андреем Гуркиным не знал никто, и Ольга в том числе. Молодой, статный, жутко умный, но плохо обеспеченный Гуркин был нанят Милой на службу — за полторы тысячи рублей в месяц он изображал на людях ее любовника. Гуркин сопровождал Милу в театры, рестораны, на мероприятия, устраиваемые родственниками и друзьями. Кроме того, для правдоподобия раз в неделю он приходил к ней домой и проводил здесь полдня, читая газеты в маленькой комнате. В настоящее время Гуркин учился в университетской аспирантуре и искренне считал, что нашел потрясающий способ подработать. Милу он просто боготворил и не уставал благословлять тот час, когда они повстречались. «Да, уж кому-кому, а Гуркину моя

смерть точно невыгодна», – подумала Мила.

После разъезда с Ильей Ореховым и в ожидании предстоящего развода Мила чувствовала себя ранимой и незащищенной. Усугублялось это тем, что Орехов нашел ей потрясающую замену. Он появлялся на людях с очаровательной девицей. У нее были ноги такой фантастической длины, будто бы их нарисовали на студии «Союзмультфильм» и присобачили к живому человеку. Милу все это, конечно, задевало. Чтобы не ударить в грязь лицом, она и прикормила Гуркина. Он мог бы смело посрамить теорию ее сестры Ольги о том, что стоящие мозги не обитают в красивом теле. Лицо у него, правда, было умеренно приятным, но все остальное – просто как на заказ.

– Со вторым вопросом полный пролет, – продолжала между тем Ольга. – Из материальных ценностей у тебя – только квартира. Если, конечно, ты от меня ничего не скрываешь.

– Не скрываю, – уверила ее Мила. – Продолжай.

– Квартира по наследству перейдет к сыну. Сына мы оставим в стороне. Алименты Орехов после развода тебе платить не будет, так что... Слушай! – внезапно оживилась она. – А может, Орехов боится, что ты при разводе оттяпаешь у него часть собственности?

– Не мели чепухи. Мы с ним уже обо всем договорились.

– Ну? – с жадной настойчивостью спросила Ольга. – И что он тебе оставит?

– Приятные воспоминания о себе! – сделав красивый пас

руками, ответила Мила. – Ничего он мне не оставит, так что расслабься. И я дала ему слово, что не буду с ним бодаться.

– Да... Если ты дала слово... Твое слово – кремень. Орехов знает об этом лучше других. Значит, у него мотива нет.

– Да ни у кого нет! – с досадой сказала Мила. – Неужели ты и в самом деле могла подумать на Орехова?

– Мало ли... – туманно возвестила Ольга. – Таинственность убийствам как раз придает скрытый мотив. Что, если за годы супружества он тебя так возненавидел, что не может спокойно спать? Хочет стереть тебя с лица земли – и баста!

Ольга наклонилась вперед и сделала страшные глаза. Очередная сигарета смердела в ее руке, отсылая к потолку сизые струи дыма.

– Судя по выражению лица, тебе подобное желание хорошо знакомо, – иронически заметила Мила. – И который по счету муж возбудил в тебе такие чувства?

– Третий. – Ольга откинулась назад и сделала очередную длинную затяжку.

– Бедный Николай, конечно, не знает, до чего ты бываешь кровожадной.

– Зачем ему знать? – пожала плечами Ольга. – Ему-то уж точно ничего не грозит. Четвертый муж, дорогая, – это настоящее лекарство от прежних разочарований.

– Подожди, я запишу.

– Ты все смеешься? Тебя едва не пристрелили на балконе редакции, а ты смеешься!

– Слушай, а что, если все это организовал Алик Цимжанов?! – внезапно воскликнула Мила. – Или его ревнивая жена Софья?

– Думаешь, Софья так достала Алика ревностью, что он решил тебя пристукнуть? Чтобы ей не к кому было ревновать?

– Да, глупо, – согласилась Мила. – Обычно в таких случаях убивают жен, а не...

– Ну, договаривай, договаривай! – предложила Ольга, щурясь от дыма. – А не... Ты хотела сказать: а не любовниц, не так ли? Значит, у тебя с Аликом наконец-то роман? После стольких лет любезной обходительности и близкой дружбы?

– У меня ведь есть Гуркин, – возразила Мила. – Хотя именно сегодня Алик заговорил насчет того, что неплохо было бы наплевать на обходительность и сблизиться окончательно. Он даже поцеловал меня.

– И как? – заинтересовалась Ольга.

– Перед этим в меня как раз выстрелили в первый раз. Поэтому я ничего не почувствовала.

– Значит, Алик не для тебя, – с сожалением сказала Мила. – Будь у тебя к нему склонность, ты бы на пулю даже внимания не обратила. У меня так с Николаем.

– Уж этот твой Николай! Неужели ты не видишь, какая это крыса? – не удержалась Мила. – Мужик нигде не работает, живет за твой счет. Отлично устроился, ничего не скажешь!

– У него проекты! – кинулась защищать Ольга своего чет-

вертого. – Он делает все, что может! Скоро будет отдача.

– Да-да, жди больше! Да он просто лодырь, твой Николай!

– Ты твердишь это всякий раз, как его увидишь. И напрасно. Николай озабочен завтрашним днем.

– Конечно. Его отоспавшаяся физиономия, исполненная тревоги о завтрашнем дне...

– Тсс! Что, если он услышит?

– Да хрен с ним.

– Зачем ты чернишь его в моих глазах? – рассердилась Ольга.

– Затем, что мне надоело скрывать свои истинные чувства. Первых трех твоих мужей я терпела молча. Сейчас мое терпение иссякло. Считаю, что Николаю не повезло.

Ольга прикончила сигарету, делая короткие отрывистые затяжки. Вся ее поза демонстрировала обиду. Потом ее мысли снова переключились с мужа на сестру.

– Так что ты решила? – спросила она. – По поводу покушения?

– Сегодня переночую здесь, потом проберусь в свою квартиру и все как следует обдумаю.

– Только ты думай, а не выдумывай. Я знаю, какая ты фантазерка.

– Ты меня с кем-то путаешь. Я пожилая приземленная женщина без единой иллюзии. Интересно, кому понадобилась моя шкура?

Тем временем братья Глубоковы, изучая окрестности дома, в котором была прописана Людмила Лютикова, усердно искали применение своим способностям, деньгам и обаянию. Три эти составляющие помогли им, во-первых, выяснить, что в подъезде прямо над Лютиковой, на третьем этаже, сдается квартира. И, во-вторых, эту квартиру по-быстро-му снять. Правда, заплатить пришлось за два месяца вперед, но это денежных братьев не смутило.

Осматривая поспешно арендованную жилплощадь, оба первым делом вышли на балкон.

– Потрясающе удобно! – восхитился Борис, опершись животом о перила. – При желании в сумерках стоит только прыгнуть вниз – и подсматривай себе в окно на здоровье. Высоковато, конечно, но можно добыть веревку или лестницу.

Дом был старым, каменным, внизу располагался магазин «Подарки», навес над которым служил общим просторным балконом для жильцов второго этажа. Так что Борис был совершенно прав – как соглядатаям им несказанно повезло. Поскольку Людмила Лютикова проживала на втором этаже, ее балконная дверь сейчас находилась прямо под ними.

Весь вечер братья улаживали собственные дела – Борис решал текущие вопросы по телефону, а Константин пытался

выпросить у начальства срочный отпуск. Про саму Лютикову они до сих пор ничего не знали. Даже сколько ей лет. Поэтому не могли строить конкретных планов.

– Если ей семьдесят, это одно дело. И совсем другое, если ей двадцать пять, – рассуждал Борис, открывая припасенную банку пива.

– У нас нет времени присматриваться, – разрубил Константин воздух ребром ладони. – Мы должны срочно втереться к ней в доверие. Ты сам понимаешь, что с балкона много не вымотришь. Если она действительно просто связанная на телефоне, слежка как таковая вообще теряет смысл. Нужен более тесный контакт.

– Хорошо, давай договоримся так, – предложил Борис. – Если Лютикова уже получила пенсионное удостоверение, я ее беру на абордаж. Нос у меня картошкой, лицо, безусловно, располагает к доверию, пожилые дамы от меня тащатся, скажу без ложной скромности. Если же возраст Лютиковой предполагает хоть какой-то сердечный интерес к мужчинам, в дело пустим тебя. Ты высок, красив, как шейх, у тебя утонченные вкусы. Ставлю сто к одному, что ты в состоянии задурить голову любой финтифлюшке старше пятнадцати.

– Не думаю, что она столь молода, – пробормотал Константин. – Впрочем, согласен, действуем по-твоему.

Константин был действительно таким, каким описал его брат. Не мог он отрицать и того факта, что женщины выделяют его среди прочих мужчин. Он привык к этому и чаще

всего даже наслаждался собственным особым положением.

– И учти, братец, мы просто обязаны быть готовы к чему угодно, – продолжал Борис. – Импровизировать на ходу, лгать, изворачиваться и хитрить. – И напомнил: – Цель у нас благородная.

– Когда дед очнется, я его убью, – пробормотал Константин.

– Знакомство должно быть естественным, – разливался Борис, дирижируя банкой с пивом. – Что может быть обычнее соседа, спустившегося вниз за щепоткой соли?

– А если она не из тех, кто открывает двери соседям? Тем более нас с тобой она никогда не видела. – Константин явно не испытывал оптимизма. Опыт учил его, что ни с одной женщиной нельзя загадывать наперед.

– Тогда... тогда... Знакомство должно стать неотвратимым! – сообщил Борис. – Испортим ей замок на входной двери, и когда она не сможет повернуть ключ, появимся мы – ты или я, в зависимости от обстоятельств, – и быстро все починим! Благодарная Лютикова пригласит меня или тебя – в зависимости от тех же обстоятельств – в квартиру на чашку чаю. Ну а дальше придется полагаться исключительно на мозги и собственный шарм.

– Замечательно. А...

– Хочешь спросить, как мы испортим замок? – весело спросил Борис.

– Нет. Хочу спросить, как мы его починим. Сломать, зна-

ешь, задачка для дурака.

– Да мы засунем туда что-нибудь незатейливое. А потом вытащим!

– Позволь выказать тебе свое робкое восхищение.

– Вот увидишь, какой бы ни была эта Лютикова, ей от нас не отвертеться! – пообещал Борис и широко, крупнозубо улыбнулся.

Наутро Ольга, навязавшаяся сестре в провожатые, вызвала по телефону такси. Трусливо приседая, она пробежала несколько метров, отделявшие дверцу машины от двери подъезда. Мила, которая второе утро подряд напяливала на себя вечернее платье, была больше раздосадована, чем испугана. Несмотря на спиртное, принятое в качестве снотворного, спала она несладко. Каждый шорох казался ей исполненным значения, и она с тревогой вслушивалась в ночь, то и дело отрывая голову от подушки.

Когда такси доставило пассажиров по назначению, Миле пришлось тащить защитницу за шиворот плаща, иначе она не желала вылезать из машины.

– Скажи шоферу, пусть проводит нас до квартиры! За десятку, – прошипела Ольга в ухо сестре, против воли оказавшись на улице.

- Как я ему это объясню?
- Дай ему понести сумку.
- С твоим носовым платком?

Невзирая на причитания Ольги, Мила отпустила машину и решительно двинулась к подъезду.

– Если ты хоть чуть-чуть интересуешься преступлениями, – сказала она ей, – то должна знать простую истину. Если кто-то задумал меня убить, он обязательно это сделает.

Я могу нанять десять телохранителей, это ничего не даст. Рано или поздно...

– Замолчи! – взвизгнула Ольга, повиснув у нее на руке. – Не желаю слушать!

Они вошли в подъезд и, задирая головы, поднялись на второй этаж.

– Конечно, есть шанс обнаружить врага раньше, чем он успеет выполнить задуманное, – продолжала Мила.

Она достала из кармана ключ и принялась совать его в замочную скважину. Братья Глубоковы замерли наверху, испуганно прислушиваясь. Заметив из окна двух женщин, входящих в подъезд, оба успели выскочить на лестничную площадку и теперь переминались с ноги на ногу, одержимые жадой действия.

– Господи, замок сломался! – воскликнула Мила и топнула ногой. – Что теперь делать?

– Кажется, она не старая, – шепотом сказал Борис прямо в ухо Константину. – Так что идти тебе!

С этими словами младший брат толкнул старшего в спину, и тот, потеряв равновесие, поскакал вниз по лестнице, производя изрядный шум. Завернув вниз, Константин несколько секунд спустя увидел на площадке второго этажа двух насмерть перепуганных женщин. Одна из них, повыше и потоньше, вжалась в стену и втянула голову в плечи. Вторая, блондинка с воинственно взъерошенным хохолком на затылке, держала перед собой сумку, словно щит, и смотре-

ла на Глубокова глазами, полными ужаса и тоски.

«Ничего не может быть естественнее соседа, спустившегося сверху!» – мысленно передразнил Константин брата и, чтобы разрядить ситуацию, весело сказал:

– Привет!

Поскольку ни одна из женщин его радости разделить не захотела, он посчитал нужным добавить:

– Я просто иду мимо. У вас что-то случилось?

– У нас ничего не случилось, – напряженным голосом ответила блондинка.

Красивый незнакомец не двинулся с места. «Ах, до чего ж хорош! – подумала тем временем любвеобильная Ольга. – Правда, глаза у него хоть и голубые, но какие-то уж чересчур блестящие». Константин между тем лихорадочно придумывал, что делать дальше. Помощи у него просить явно никто не собирался.

– И все-таки мне кажется, у вас какие-то проблемы, – привязался он, не желая уходить посрамленным.

– Нет у нас никаких проблем! – рассердилась женщина, державшая в руках ключ. Ее привлекательное лицо портили губы, сжатые крепко-накрепко.

«Наверное, это и есть Лютикова, – решил Константин. – Ничего себе штучка. Номер с щепоткой соли с такой явно не прошел бы».

– Может быть, дверь не открывается? – не отставал он, стараясь придать себе добродушный и просветленный вид.

Такой он напускал на себя только в те минуты, когда счастливые родственники совали ему в руки своих младенцев.

— Мы справимся, — пообещала Лютикова, продолжая напряженно смотреть на него.

— Я ваш сосед сверху, — пояснил Константин, махнув рукой у себя над макушкой. И добавил: — Новый. Снял квартиру. Так что будем видеться часто.

Мысль о том, что Борис слушает и оценивает его слова, мешала Константину вести себя естественно.

— Вы куда-то шли? — спросила непримиримая Лютикова. Это был прямой намек на то, чтобы он убирался. Константину не хотелось уходить ни с чем, поэтому он предпринял еще одну попытку.

— Может быть, ключ не вставляется в замок? — спросил он как бы между прочим и добавил: — Мой папа был слесарем, так что...

— Да, да! — воскликнула Ольга, которой казалось опасным так долго стоять в подъезде. — Ключ действительно не лезет в дурацкую прорезь!

Константин тут же воодушевился.

— Так-так... — пробормотал он. — Сейчас посмотрим!

Достав из кармана припасенную лупу и тонкий пинцет, он кинулся вперед и принялся ожесточенно ковыряться в замке.

— Дайте ключ! — потребовал он через некоторое время.

Мила неохотно протянула ключ, и Константин два раза победно щелкнул язычком замка.

– Пожалуйста! – сказал он, гордясь собой до безобразия.

– Ой! – сложила ручки перед собой Ольга. – Как вы нам помогли! Спасибо!

– Спасибо, – неохотно присоединилась к ее восторгам сестра.

– Может быть, вам еще что-нибудь нужно? – с надеждой спросил Константин. – Например, кран починить?

– Ваш папа разве был не слесарь? – с подозрением спросила Мила.

– Он был слесарь-водопроводчик. Двойная выгода.

– Да? Ну, все равно прощайте.

Константину ничего не оставалось делать, как шевелить ногами. Он спустился на первый этаж и остановился перед дверью на улицу, вслушиваясь в диалог, который затеяли сестры. Судя по всему, они боялись заходить в квартиру. Почему – интересно?

– Дай же мне пройти! – кипятилась Мила, пытаясь вырвать из пальцев сестры рукав своего пальто.

– Нет, это опасно. Замок был сломан. Может быть, внутри засада!

– Я сейчас войду и посмотрю. А ты оставайся здесь.

– Но я боюсь одна!

– Зачем ты вообще со мной поехала?

– Чтобы не дать тебе совершить глупость! Мила, слушай, я поняла: тебе срочно нужен частный детектив. Я займу у папы денег, скажу ему, что хочу сделать пластическую опе-

рацию. У меня молодой муж, папа все поймет правильно.

«Частный детектив? – подумал изумленный Константин. – Интересно, зачем он им сдался?» Он вспомнил, что Борис призывал его быть изобретательным и напористым и, вздохнув, снова отправился вверх по лестнице. Дамы все еще препирались возле приоткрытой двери в квартиру. Константин легко взбегал с одной ступеньки на другую. Заслышав его шаги, сестры замолчали и снова страшно напряглись. Едва Константин открыл рот, чтобы произнести что-нибудь, подобающее случаю, как наверху громко кашлянули, и Борис Глубоков в три прыжка очутился в поле общего зрения. Зачем-то он поднял воротник куртки и спрятал в него нос.

– Это вы частный детектив? – спросил он у Константина из-под воротника. – Мне вас рекомендовали как первоклассного специалиста. Лучше вас, говорят, в Москве вообще никого нет. Только вы можете мне помочь. У меня очень сложное дело. Поэтому доверить его я могу только вам. Назначьте мне день. Ведь сейчас вы, наверное, заняты?

Константин важно кашлянул, но вместо него ответила попавшаяся на крючок Ольга:

– Да, он сейчас занят. Вы ведь не откажетесь зайти? – понизив голос, спросила она у Константина. – На чашечку чаю? По-соседски?

– Ладно, тогда до встречи! – быстро сказал Борис и с не подобающей клиенту скоростью дернул вниз по лестнице.

– Приходите завтра! – крикнул Константин ему в спину.

– Сюда! – радостно воскликнула Ольга и, открыв дверь, с недюжинной силой втокнула «частного детектива» в квартиру. Тот пролетел весь коридор и едва не вмазался в стену.

– Что ж ты делаешь? – зашипела Мила. – Надо было предупредить его об опасности! Он же сыщик!

Доморощенный сыщик тем временем обежал все комнаты, заглянул в ванную и вернулся к переминающимся с ноги на ногу сестрам.

– Можете входить, в квартире все чисто! – ухмыльнувшись, сообщил он, а сам подумал: «Интересно, кого они так боятся? Может быть, как раз того типа, который заключил сделку с нашим дедом?»

Впрочем, теперь у него появился реальный шанс все узнать в подробностях. Если, конечно, его наймут. Дамы собирались занять денег на расследование, поэтому нельзя заламывать цену. Константин, кстати, понятия не имел, сколько берут за работу частные детективы.

– Мне надо принять душ и переодеться, – заявила Мила, снимая пальто.

– Нет, это все потом! – возразил Константин. – Сначала дело. Судя по всему, оно не терпит отлагательства.

Ольга почтительно последовала за «детективом» на кухню и быстренько налила в чайник свежей воды. Мила, вздохнув, поплелась за ними, сверкая обнаженными плечами, – вечернее платье все еще оставалось на ней.

– И не надо ничего от меня скрывать! – проникновенно

сказал Константин, плотно усевшись на табурет. Потом помолчал и добавил: – Я чувствую, что ваше дело связано с наркотиками.

Сестры изумленно переглянулись.

– С наркотиками?! – в один голос воскликнули они. – С чего это вы взяли?

– А вот потом увидите! – азартно сказал Константин. – Итак...

– Сколько вы берете? – неожиданно спросила Мила.

– Э-э-э... Сто рублей, – быстро нашелся тот.

– В час?

– В день, – без запинки ответил Константин, боясь, что его выставят, посчитав слишком дорогостоящим развлечением. – Ну, плюс текущие расходы.

Сестры снова переглянулись.

– Теперь понимаю, – пробормотала Ольга, – почему клиенты штурмуют ваше жильё.

– Не будем терять время по пустякам! – потер руки Константин. – Все началось с того, что вам велели отвечать на телефонные звонки, так ведь? – Он схватил чашку чаю, которую ему только что налили, и сделал большой аппетитный глоток.

– Да нет, – растерялась Ольга, – все началось с того, что мою сестру стрелял человек, на голову которого были натянуты черные колготки. Вчера утром. В редакции. Мила, расскажи! – толкнула она сестру локтем под ребра.

Мила принялась вяло рассказывать. Глубоков не вызывал в ней желания довериться ему и не внушал особых надежд. И вообще, для частного детектива он был слишком красив. Красивые мужчины – негодные профессионалы. Они во всем полагаются на свою внешность, считая, что за прекрасные глаза жизнь сделает им скидки. Если бы не Ольга, Мила вообще не стала бы с ним связываться.

– Кому вы говорили, что утром будете в редакции? Кто об этом знал заранее?

– Алик, – хором ответили сестры.

– И все?

– Возможно, я проболталась на вечеринке, – смутившись, ответила Ольга. – Накануне вечером.

– Кому?

– Своему мужу. Николаю. Но он, конечно, здесь ни при чем.

– Конечно, – кивнул Константин. – Кстати, как его фамилия?

– Михеев, – ответила вместо сестры Мила.

– А где он работает?

– Нигде, – фыркнула она.

– Он... Он... готовит грандиозный проект, – задохнулась от обиды за мужа Ольга.

Мила, как всегда, не сдержала иронии:

– Будет поворачивать вспять Москву-реку?

– Вечно ты пытаешься его унижить! Он открывает боль-

шой торговый комплекс по продаже компьютеров! – выпалила Ольга.

– Да? И на чьи деньги?

– Не на собственные, конечно!

– И кто конкретно их ему даст?

– Ну, этого я не знаю, однако кто-нибудь даст. Николай кого хочешь увлечет своими идеями! Сумеет провернуть любое дело!

– Тебя-то он уж точно увлек и провернул целую свадьбу, – пробормотала Мила.

– Я все понял, – встрял в их перепалку Константин. – О визите в редакцию знала ваша сестра, ее муж и главный редактор журнала Цимжанов.

– А еще, возможно, жена Цимжанова Софья и его секретарша Любочка Крупенникова.

– То есть неконтролируемое количество народу. Итак, – подвел итог Глубоков, – с мужем вы в ожидании развода уже не живете, сын ваш по линии международного обмена учится в Берлине, и из близких людей в квартире постоянно бывает только ваш новый друг Андрей Гуркин. Я верно излагаю?

– Верно, – кивнула Мила.

– А этот Гуркин, он мог бы дать кому-нибудь ваш телефон, чтобы ему сюда звонили? – с необъяснимым любопытством спросил «частный детектив».

– Наверное. Я как-то об этом не задумывалась. Пока, по

крайней мере, ему сюда не звонили. А это важно? Вы что, его в чем-то подозреваете?

– Вопросы пока задавать рано. – Константин захлопнул блокнот, в который по ходу дела записывал все, что его заинтересовало. – Итак, лично у вас нет ни одной версии?

– Ну... Может, это жена Алика Цимжанова наняла убийцу? – с кислой физиономией предположила Мила. – Алик говорит, что она страшно ревнует.

– Проверим, – пообещал Константин. – Вот вам номер моего мобильного телефона. А это – телефон квартиры наверху. Вы всегда можете меня позвать, – добавил он. – Да! И попрошу выплатить мне сто рублей.

Пряча купюру в карман, он назидательно сказал:

– Если кто-нибудь из ваших знакомых поинтересуется, не звонили ли ему по вашему телефону и не передавали чего, тотчас же сообщите мне! Летите мухой, ясно?

Закрыв за «частным детективом» дверь на замок, Мила всем корпусом обернулась к Ольге и воскликнула:

– Что-то с ним не то. Одет дорого, но берет слишком дешево. И эта странная заикленность на телефоне!

– Тебе просто не понравилась его сногшибательная внешность. Будь я свободной, то не упустила бы своего шанса.

– Возьми да разведись с Николаем.

– А не положила ли ты глаз на моего мужа? – с подозрением спросила Ольга. – Доведешь нас до развода, а потом

зацапаешь его!

– Да-да, за такое сокровище стоит побороться.

Ольга тотчас же раздумала дуться.

– Значит, ты остаешься дома? – спросила она.

– Остаюсь. Замки у меня хорошие, над головой поселился частный детектив – дешевый, но красивый. И вообще, я стала склоняться к мысли, что стреляли все-таки в Алика. Просто убийце помешало мое присутствие, и он завалил дело.

– Загляделся на тебя, не иначе, – пробормотала Ольга. – Значит, ты сообщишь Алику о грозящей опасности?

– Не представляю, как сказать ему о выстрелах. В тот момент мы целовались, после чего я ушла из редакции, не просветив его на этот счет. – В голосе Милы, впрочем, не было уверенности. Ольга это почувствовала.

– Тогда подожди. Может быть, частному детективу удастся все распутать.

– Он не сказал, как его зовут! – внезапно спохватилась Мила. – Ах, какие мы с тобой беспечные! Может быть, он вообще не частный детектив? Аферист, сшибающий столы у таких дур, как мы!

– Давай позвоним ему на мобильный, – робко предложила Ольга.

– Звони сама, а я отправляюсь в душ, – отрезала Мила. – Только не исчезай, пока я не выйду. Одной страшно. Шум воды заглушает подозрительные звуки в квартире, я могу прозевать своего убийцу и умереть голой. Это будет особен-

но отвратительно.

Когда через полчаса она вновь появилась на кухне в махровом халате и с тюрбаном на голове, Ольга встретила ее радостным сообщением:

– Константин Глубоководный!

– Что это? – опешила Мила.

– Частный детектив. Его так зовут.

– Боже! Что за ужасная фамилия!

– Ты это мне говоришь? До Николая я два года была Тишкиной, а предыдущие три – Мардабрянской.

– В отличие от Глубоководного у тебя был выбор. Так что там он?

– Он извинился. Сказал, что старается лишний раз не называть своего имени без надобности и нам случайно не называл.

– Ольга, пообещай мне: если со мной что-нибудь случится, ты все расскажешь Орехову. Пусть защитит нашего сына.

– Но ваш сын в Берлине! И еще я думаю, ты зря решила засесть в квартире. Лучше жить с нами.

– С тобой и Николаем? Да ты с ума сошла! Мы с твоим мужем как вода и масло. Я непоправимо изуродую вашу семейную идиллию. Только меня вам не хватало!

– Но у тебя в доме есть своя комната! И родители будут счастливы.

– Конечно. Маман тут же примется меня сватать и в конце концов спарит с каким-нибудь разведенным сыном старой

подруги. Нет уж, пусть лучше меня застрелят.

Она оставалась храброй почти целый день. До тех пор, пока на улице не стемнело. Вот тут-то все ее гусарство испарилось, как утренний туман в ясный день. Мила закупорила квартиру, задернула шторы и включила торшер, чтобы почитать в тишине. Но ей не читалось. Ей постоянно чудилось, будто кто-то пытается вскрыть балконную дверь. А на лестничной площадке возились и сопели. Мила на цыпочках бегала от глазка к окнам и обратно. «Что, если я засну и меня укокошат спящую? – думала она, обливаясь потом от страха. – Зачем я не послушалась Ольгу?»

Соседский кот окончательно добил Милу, вспрыгнув со стороны балкона на подоконник и проскрежетав по нему когтями целую серенаду. Чтобы расслабиться, Мила решила выпить рюмочку водки, запас которой всегда имелся в холодильнике. Рюмочка согрела ее и принесла некоторое облегчение. Занюхав ее помидорами, Мила разобрала кровать и нырнула под одеяло, оставив снаружи глаза и ноздри.

В два часа ночи братья Глубоковы, которые заблаговременно обзавелись самой настоящей веревочной лестницей, привязали ее к железным прутьям балкона. Константин ловко перемахнул через перила и сделал первые два шага вниз. После чего его правая нога попала куда-то не туда, и верхотаз запутался в веревках. Он начал биться в путах, но поде-

лать ничего не мог.

– Лучше бы я спрыгнул! – простонал он.

– Ага! И перебудил весь дом, – откликнулся Борис.

– Принеси фонарик! – шепотом потребовал Константин. –

Я ни черта не вижу!

– Ты что? Если я на тебя посвечу, нас могут увидеть соседи. Примут за воров и вызовут ментовку.

– А если ты на меня не посветишь, я провишу тут до расвета.

Несмотря на принесенный фонарик, операция спасения затянулась. Сначала лежавшая без сна Мила слышала сдавленный шепот. Потом по занавескам скользнул луч фонарика. Она резко отбросила одеяло и встала на кровати на четвереньках, прислушиваясь, словно собака. Снаружи кто-то был. Не зная, куда кидаться, она заметалась по комнате, потом схватила со стола оставленную Ольгой записку и дрожащими пальцами набрала номер телефона частного детектива, который жил наверху.

Поскольку частный детектив в этот момент висел на веревочной лестнице, а Борис тянул его изо всех сил наверх, на звонок никто не ответил. Тогда Мила набрала номер мобильного телефона. Мобильный телефон Глубокова был прицеплен к поясу его штанов. Через минуту он пронзительно заверещал. Константин недопустимо громко выругался и, извернувшись, прижал трубку к уху.

– Алло! – трагическим полусшепотом ответил он.

– Это ваша новая клиентка! – тоже полушепотом начала Мила. – Моя фамилия Лютикова. Вы сказали, вам можно позвонить, если что.

– Ну?

– Так вот. Ко мне лезут.

– Кто?

– Я не знаю. Я слышу, как они возятся и ругаются матом.

– Заранее не паникуйте, – проскрипел Константин.

– А вы сейчас где? – трагическим голосом спросила Мила. – Далеко от меня?

– Не так чтобы очень, – признался тот и дрыгнул туловищем.

Борис перевесился через перила и зашикал на него:

– С кем ты там разговариваешь? Нашел время! Она тебя услышит! И подожди левую ногу. Если она выглянет в окно, то увидит твой ботинок.

Константин согнул колени и натужным голосом сообщил:

– Вы, главное, к окнам не подходите, я скоро буду!

После этого заявления он мешком свалился вниз, прямо под балконную дверь Лютиковой. Покряхтев и подержавшись за поясницу, Константин постучал в стекло и громко сказал:

– Все в порядке! Это я, Глубо... Глубоководный! Можете открывать.

Мила отодвинула штору, и в свете фонарей, натыканых

вдоль улицы, он увидел ее лицо. Лицо было таким же белым, как луна над головой, и странно застывшим. «Эк она испугалась, – подумал Константин. – Может быть, от страха сейчас расскажет мне что-нибудь стоящее».

Когда Мила открыла дверь, он протиснулся мимо нее в темную комнату и шепотом приказал:

– Включите-ка свет.

– Кто там лазил? – тоже шепотом спросила Мила, зажигая торшер.

На ней была застиранная трикотажная пижама, волосы на голове стояли дыбом, как трава для попугаев, выращенная в цветочном горшке.

– Спокойствие. Это были рабочие. Они поправляли телевизионную антенну наверху.

– Но почему после полуночи?!

– Ну, понимаете ли... Когда они ходят по крыше, из-под ног сыплются камушки, мелкий мусор. – Он подумал и добавил: – Голубиный помет...

– И что?

– Как что? Страдают ни в чем не повинные прохожие. Прохожие пишут жалобы. Разве вам хотелось бы отправиться на службу или в гости с голубиным пометом на голове?

– Послушайте... э-э-э...

– Константин, – подсказал тот.

– Послушайте, Константин! У меня к вам предложение. Не согласились бы вы провести со мной ночь?

Лицо Глубокова вытянулось, и он повернул к Миле левое ухо, опасаясь, что плохо расслышал.

– Простите?

– За деньги, – поспешно добавила она.

Глубоков кашлянул и стесненно сказал:

– Вообще-то я не по этой части.

– Я понимаю, – кивнула Мила, имея в виду, что он сыщик, а не охранник. – Но войдите же в мое положение... Я одна. Почти разведена. В квартире так пусто, так... одиноко.

Сильно стукнувшийся о балкон Глубоков, который нравился всем женщинам без разбору, тотчас решил, что Мила – очередная жертва его обаяния. Любую другую он сразу послал бы подальше, но в этой даме был чертовски заинтересован.

– Ну, хорошо, – сказал он, прикидывая, как согласиться и при этом избежать неловкости.

– Во сколько мне это обойдется? – униженно спросила Мила.

– В сто рублей. – Тариф выскочил из Глубокова сам собой.

– Благодарю вас!

– И еще мне хотелось бы чашечку чаю.

Вспыхнувшая от радости Мила пошлепала на кухню и загремела там посудой. Глубоков тем временем проворно разделся и полез в кровать, мельком глянув на себя в большое зеркало. Поджарый торс умеренной волосатости действительно был хорош. Плечи широкие, рельефные муску-

лы, сохранившийся с лета загар. В первый раз он продавал всю эту красоту за деньги. Константин подарил своему отражению кривую ухмылку и натянул одеяло до подмышек.

Когда Мила вошла в комнату и увидела Глубокова, возлезающего на подушках в ее кровати, чашечка с чаем едва не выпрыгнула у нее из рук. Только тут она сообразила, что сама сделала ему в высшей степени неприличное предложение. По крайней мере, было ясно, что именно так он его расценил. Лицо Милы мгновенно стало пунцовым. Она понятия не имела, как выйти из сложившейся ситуации. Глубоков тем временем с охотой принялся за чай, который Мила поставила на тумбочку.

– А знаете что? – внезапно предложила она. – Давайте выпьем водки!

«Напоить его – и дело с концом!» Запасов спиртного у нее всегда было с избытком. Сама Мила пила редко, но все ее гости трудолюбиво стаскивали в дом бутылки, словно муравьи сосновые иголки.

– А давайте! – немного помолчав, согласился Константин. Роль продажного мужчины была для него новой и странно тревожила. «Если клиентка налижется, мне будет не так стыдно», – подумал он про себя.

Борис Глубоков, единолично отвязавший веревочную лестницу от перил, уже часа два дремал в кресле, когда снизу до его рассеянного слуха донеслось нестройное пение. Борис широко открыл глаза и напряженно вслушался. Хор состо-

ял из двух исполнителей и явно не нуждался в музыкальном сопровождении. «Мы выпьем до дна бутылку вина, моя дорога-а-я! Останься со мной, цыпленочек мой, ведь ночь-то кака-а-я!» – «Да уж, вином тут дело не обошлось, – подумал Борис. – Хорошо, ничего не скажешь! Интересно, много ли он узнал?»

На нетрезвый взгляд Константина, он узнал массу интересных вещей. Например, то, что Мила Лютикова два года назад изменила мужу. Разгорелся страстный роман, который окончился внезапно и беспричинно и оставил после себя трогательное чувство, похожее на ностальгию. Новый мужчина у нее появился только тогда, когда они с Ореховым разъехались. Еще Константин узнал ее ближайшие творческие планы, над которыми они вместе поохотали, и про критическое отношение к мужу сестры. Правда, даже пьяная, Мила не открыла «милейшему частному сыщику» всю правду про Гуркина. Она продолжала настаивать, что это ее настоящий сердечный друг.

– А у этого Гуркина есть ключ? – приоткрыв упрямо слипающиеся глаза, спросил Константин. – Что, если он припрется в самое неподходящее время? И застанет нас в обнимку?

– Мы разве обнимаемся? – удивилась Мила, которая наливала себе в два раза меньше, но пьянела почему-то в два раза быстрее. – Впрочем, ключа у него нет.

Константин этим обстоятельством был страшно удивлен,

но высказать своего удивления у него не было сил.

Проснулись они ранним утром, не имея понятия о том, что между ними случилось ночью. Мила по-прежнему оставалась в пижаме и спала калачиком поверх одеяла. Впрочем, это еще ничего не значило. Глубоков протрусил в ванну, за-вернувшись в простыню.

– Ну, кажется, у вас все в порядке? – возвратившись, трусливо спросил он, не смея перейти на «ты».

Мила налила две чашки черного кофе и хмуро ответила:

– В полном.

– Если кто-нибудь из ваших знакомых спросит, не получали ли вы сообщения от кого бы то ни было...

– Я помню. Полечу к вам мухой. Кстати, а просто позвонить нельзя?

– Можно, конечно, можно! – Константин суетливо надел ботинки и схватился за дверную ручку.

– А что, разве на вас не было верхней одежды? – сощурилась Мила.

– Я же пришел на ваш отчаянный зов, – он махнул рукой в сторону окон, – не трать времени даром.

– Вы прыгали со своего балкона? Ради меня? О! Благодарю вас!

– Что вы, что вы, не стоит благодарности.

Константину очень хотелось придержать двумя руками свою многострадальную голову, но ему было неудобно. «Боже мой, ничего не помню! – в отчаянии подумал он. – Спро-

сильно как-нибудь?» Впрочем, взглянув на мятое лицо своей «клиентки», он тотчас же раздумал задавать вопросы. Если что, грех на ней. Это она ему сто рублей заплатила.

Борис встретил его глумливой ухмылкой.

– Как прошла ночка? – спросил он, коротко зевнув.

– Лютикова попросила меня с ней остаться.

– Ясное дело!

– Заплатила сто рублей.

– Надеюсь, ты оправдал всю сумму?

– Я тоже надеюсь, – пробормотал Константин. – Правда, мы слишком много выпили. Думаю, она будет приходить в себя до вечера.

– У тебя появились мысли по поводу того, кто хочет ее убить?

– Возможно, тип, который думает, что она знает кое-что о «невидимке».

– Но она говорит, что не знает!

– Мало ли что она говорит. Она страшно напугана. А сильно напуганный человек становится хроническим вруном.

– Зачем же наш мистер Икс дал деду телефон Лютиковой, если тут же решил ее устранить? – не сдавался Борис. – Кому дед должен был звонить?

– Ну... Может быть, дед еще до удара успел через Лютикову с ним связаться. А она просто врет, что ей не звонили. После того как звонок состоялся, она просто-напросто стала нежелательной свидетельницей. Незнакомый узнал, что

у деда удар, и решил дальше действовать без него, оборвать все связывающие их ниточки.

– Нет, это как-то слишком неправдоподобно.

– Но ты не можешь отрицать того, что на Лютикову покушались именно в то время, когда мы начали через нее искать «невидимку».

– Слушай, а что, если ее все-таки укокошат? Что мы тогда будем делать? Ниточка оборвется и...

– Для этого Лютикову надо охранять.

– Но ни ты, ни я не можем обеспечить ее сохранность!

– Если она будет сидеть дома, то можем. Ты караулишь лестницу, я – балкон.

– Ага. И когда придет убийца, мы сбросим ему на голову телевизор.

– Ладно тебе, просто спугнем.

– Но что, если Лютиковой захочется куда-нибудь отправиться?

– Ну... Я напугаю ее, велю носа не высовывать. Ведь она думает, что я всамделишный частный сыщик и работаю на нее. Должна послушаться.

– Думаю, днем караулить балкон не придется. Кто туда полезет при всем честном народе? Остается дверь в квартиру. Я усядусь в подъезде на подоконнике и почитаю газету, а ты ложись спать.

– Я спал, – коротко ответил Константин. – Но я расстроен.

– Еще бы. Провел ночь с едва знакомой женщиной!

– Но ты же понимаешь, что это все ради спасения нашего доброго имени!

– Боюсь, что в ходе спасения ты опозоришь наше имя каким-нибудь другим способом, – пробормотал Борис.

В это время Мила отчетливо осознала, что ей не по силам сидеть взаперти и бездействовать. Конечно, на нее работает частный детектив, но... Этот Глубоководный не казался ей особо умным или расторопным. Ее сто раз прикончат, прежде чем он что-нибудь отыщет. Недаром же у него расценки, как в комиссионке! Нет-нет, до тех пор, пока он ищет убийцу, ей просто необходим телохранитель. Крупный мужик с глазками-прицелами и пистолетом под мышкой. В то время как она станет смотреть телевизор, вязать или читать романы, он будет ходить от двери к окнам и проверять, все ли в порядке.

Мила была убеждена, что нанять телохранителя в нынешнее время – не проблема. Были бы наличные, чтобы оплатить его верную службу. Наличные она могла взять только у бывшего мужа. Вернее, даже не бывшего – ведь развод покуда не состоялся. В конце концов, Орехову по штату положено решать ее проблемы!

«Я должна побороться за себя, – решила Мила. – Кроме того, это Орехов затеял развод, после того как я застучала его с той длинноногой вешалкой». Мила натянула брюки и свитер, зачесала стоявшие дыбом волосы вниз и выскользнула из квартиры. Борис, которого братец уверил в том, что Лютиковой потребуется еще некоторое время на вырезвление

ние, за лестницей не следил и уход ее прозевал.

«Орехов, конечно, испугается, когда я скажу ему, что в меня стреляли, – думала Мила по дороге. – По крайней мере, расстроится». Однако действительность оказалась другой. Орехов во всей полноте продемонстрировал свой гнусный характер и не только не расстроился, но проявил полное и абсолютное непонимание момента.

– Чушь какая-то! – воскликнул он, когда Мила ворвалась к нему в кабинет и выложила карты на стол. – Зачем тебе телохранитель? – Он голосом выделил это «тебе», давая понять, что Мила, в его представлении, не больше чем блоха на собаке.

– В меня стрелял мужчина в черных колготках! – раздраженно пояснила та.

– Мужчина в черных колготках?! – изумленно повторил Орехов. – Ты что, накануне участвовала в демонстрации, требующей ограничить права сексуальных меньшинств?

– Колготки были у него на голове, – раздраженно пояснила Мила. – И прошу тебя, Илья, не строй из себя кретина. Это случилось в редакции, на балконе. Мы вышли с Аликом Цимжановым на воздух...

– Зачем вас понесло на воздух в такую холодную пору?

– Ну... Мы должны были отредактировать статью, а нам мешала секретарша, – не слишком удачно соврала Мила.

Она видела, что Орехов недоволен. Она знала его как облупленного – могла расшифровать его жесты, выражение ли-

ца и каждое движение бровей. «Может быть, хорошо, что он ушел из моей жизни? – внезапно подумала Мила. – Если говорить по правде, он мне до смерти надоел». Несмотря на то что Орехов был симпатичным сорокалетним мужчиной с длинным тренированным телом, в его характере наличествовала масса отвратительных черт.

– А что думает по этому поводу сам Алики? – не сдавался Орехов, проявляя одну из этих черт, а конкретно – ненужную въедливость. Нормальный мужчина на его месте уже давно полез бы в бумажник за деньгами.

– Веришь ли, Алики не видел этого типа. Он стоял к нему спиной.

– Но ты, конечно, закричала, подняла на уши всю редакцию...

– Конечно, – Мила раздула ноздри. – Но он все равно успел убежать.

– А что милиция?

– Милиция не в силах заслонить собой всех незащищенных граждан, – выкрутилась Мила. – Поэтому меня должен защитить ты. Не забыл, что у тебя все еще стоит штамп в паспорте? Или ты его уже соскоблил, чтобы порадовать свою кобылу?

– Не называй ее так! – резко бросил Орехов и, вскочив с места, принялся расхаживать по кабинету. – Если я полюбил другую женщину, значит, она лучше, а не хуже тебя.

Это была любопытная трактовка ситуации, хотя, на взгляд

Милы, в ней тоже присутствовали изъяны. Когда Орехов поднялся, Мила с неудовольствием заметила, что он здорово постройнел. Впрочем, впечатление слегка портило лицо, которое вместе с остальным телом тоже сбросило вес и слегка обвисло. Однако вид у него все равно был шикарный. «Молодеет мне назло. В то время как я каждый вечер борюсь с гастрономическими искушениями, он изгоняет из себя жир при помощи молодой любовницы».

– Как ты можешь просить у меня денег в такой момент? – возмутился между тем Орехов. – Ведь ты лучше кого бы то ни было знаешь, в каком я сейчас нахожусь отчаянном положении! После бегства Егорова я буквально на грани разорения!

Мила ему не верила. Орехов был человеком-удачей. У него получалось все, за что бы он ни брался. Он обращал в золото любой мусор и сумел сделать деньги на таких глупых вещах, как табуретки с подогревом и ароматизированные носки. В смутные времена перестройки Орехов еще работал по специальности, возглавляя скудно финансируемый и довольно убогий в смысле полиграфического исполнения журнал «Самородки России». Журнал, по мнению свихнувшихся на русской идее хозяев, должен был поддерживать живую мысль, все еще бившуюся в отечественной глубинке. Мила не переставала удивляться, как при столь мизерном тираже провинциальные читатели вообще смогли узнать о существовании этого светоча мысли. Тем не менее на редак-

цию в первые же месяцы обрушился шквал писем, телефонных звонков и личных посещений самородков. Подавляющему большинству из них самое место было в сумасшедшем доме. Однако Орехов во всей этой куче мусора постоянно ухитрялся находить жемчужные зерна.

Когда журнал приказал долго жить, он сделал ставку на провинциальных гениев и принялся запускать в производство их проекты. На памяти Милы был строительный набор, из которого можно было построить дачный домик без единого гвоздя, с помощью суперклея, насмерть схватывавшего все подряд. Позже на основе этого клея был создан суперстойкий лак для ногтей и суперрастворитель для него. Потом шли пояса от ревматизма из шерсти северных собак, прыгающие витамины для детей и кеды со встроенным шагомером.

– Хочешь, я покажу тебе свои бухгалтерские книги? – предложил Орехов, упираясь ладонями в стол и нависая над Милой.

– Не стоит, – сказала та. – Я знаю, что Егоров опустошил ваш общий сейф. Но у тебя ведь наверняка что-то осталось! Ты не объявил себя банкротом, твоя фирма продолжает существовать. Кроме того, ты все еще едешь на своей дорогой машине – я видела ее внизу на стоянке...

– Послушай! – Орехов взлохматил волосы, как делал всегда, когда нервничал. – Я нашел нового инвестора. Он дает деньги под чертовски выгодный проект. Если у нас все по-

лучится, я куплю дорогую машину и тебе тоже, обещаю.

– Мне не нужна машина! – закричала Мила и, вскочив, топнула ногой. – Мне нужен телохранитель. Причем не когда-нибудь, а прямо сейчас!

Она топнула второй ногой, и Орехов зашикал на нее:

– Тише ты! Сейчас должен прийти этот самый инвестор. Очень приличный человек. Мне бы не хотелось, чтобы он застал в моем кабинете зареванную истеричку. Ты снизишь мой рейтинг. После бегства Егорова он у меня и так сильно упал.

Егоров и Орехов долгое время были партнерами. Все у них шло просто прекрасно. Однако около месяца назад совершенно неожиданно для всех Егоров бежал в неизвестном направлении, бросив на произвол судьбы жену и ребенка и предварительно опустошив сейф фирмы. Судя по всему, Орехов оправился от удара, но признавать этого перед Милой не желал.

– Послушай, давай обсудим все трезво! – Он снова уселся в кресло и посмотрел на нее теплыми карими глазами. На его лице глаза были самой сногсшибательной деталью. Наверное, с их помощью он и покорил свою Гулливершу. Сейчас по их выражению Мила совершенно отчетливо поняла, что денег он ей не даст.

– Чудовище, – зловещим шепотом сказала она. – Когда меня застрелят, обещаю, что буду являться тебе каждую ночь и напоминать о сегодняшнем разговоре!

– Подожди пророчествовать, – досадливо сморщился Орехов, которому явно не хотелось видеть во сне мертвую жену, исполненную укора. – Скажи-ка лучше: ты знаешь, за что тебя хотят убить?

– Если бы я это знала, – сердито ответила Мила, – то уж, наверное, что-нибудь предприняла бы! Конечно, не знаю.

– Но это самый настоящий абсурд! Тебя некому убивать! Некому и не за что.

– Ты думаешь, это была шутка? – изумилась Мила. – Но я почувствовала даже движение воздуха от просвистевшей пули!

– И все-таки ты осталась жива.

– Считаешь, меня хотели только напугать?

– Да ради чего тебя пугать? – спросил Орехов, еще раз подчеркивая ее ничтожный социальный статус.

– Тогда что же?!

– Думаю, стреляли в твоего приятеля Цимжанова. Если он не дурак, то уже сам это понял и предпринял соответствующие меры. Мила, ну подумай сама: есть ли в твоей жизни какая-нибудь тайна? Хоть что-нибудь, достойное убийства? Ничего. Ведь правда? Признайся!

Несмотря на то что Орехов пытался ее успокоить, его слова прозвучали как оскорбление.

– Ты просто одинокая женщина средних лет, – продолжал он, не обращая внимания на изменившееся лицо Милы и ее прищуренный правый глаз.

Мила сосредоточенно думала: «Наверное, Илья прав. Уж в чем, в чем, а в здравом смысле ему не откажешь».

– Но почему этот тип промахнулся? – выпалила она. Эта мысль терзала ее с самого начала.

– Что, если он дилетант? – пожал плечами Орехов. – Возможно, это какой-нибудь дружок Софьи. Я же знаю, она всегда ревновала к тебе своего Алика. Кстати, ваши отношения так и не перешли в другую плоскость? – Он прочертил рукой горизонтальную линию, показывая, какую плоскость имеет в виду.

– Тебя это абсолютно не касается, – ответила Мила, поднимаясь на ноги.

В самом деле, что это она так поддалась панике? Ее действительно не за что убивать. И не потому, что она такая ничемная, а, напротив даже, потому, что со всех сторон положительная. Не ввязывается в криминальные истории, не заводит сомнительных связей.

– Впрочем, если ты так боишься, – сказал ей в спину Орехов, – поживи у родителей.

– Там сейчас Ольга со своим четвертым мужем Николаем, – отозвалась Мила, живо развернувшись. – Насколько я понимаю, Николаю нравятся высокие потолки и кулинарный талант их экономки. Поскольку он не в состоянии добиться всего этого сам, то решил попользоваться тем, что может предложить женушка.

– Почему-то я рад, что мне не нужно с ним знакомить-

ся, – признался Орехов, загибая уголки рта двумя крючочками вверх.

Мила тут же вспомнила, что когда-то давно считала его неотразимым. Он и сейчас был хорош, но теперь, спустя годы совместной жизни, когда она знала не только его лицевую, но и изнаночную сторону, чувство потери быстро исчезло. «Тем более, – подумала она, – у Орехова лицевая сторона всего одна, а изнанок – как минимум десяток».

Захлопнув за собой дверь кабинета, Мила очутилась в приемной и невольно посмотрела на секретарский стол. Он выглядел покинутым и ненужным. Раньше за ним восседала потрясающая Вика Ступавина, молодая буйногровая брюнетка с глазами цвета горчицы и красным ртом от «Ревлон». Судя по всему, она сбежала вместе с Егоровым, хотя соседи, которые видели ее спешный отъезд, уверяли, что Вика уехала одна на такси. Однако в тот же самый день, когда испарился и один из ее боссов. Конечно, это мало походило на совпадение.

Брошенная Егоровым жена Леночка предприняла собственное расследование, но даже ей, жаждавшей скорой и страшной расправы, ничего доподлинно узнать не удалось. Кто-то когда-то слышал, что Егоров с вожделением говорил о домике неподалеку от Праги, другие намекали на Америку и дом с бассейном в жаркой Калифорнии.

«Интересно, – подумала Мила, – а Орехов мог бы нагреть партнера ради того, чтобы бежать в теплые страны со своей

жирафоногой дылдой?» Она не успела решить, смог бы или нет, потому что уже вышла на улицу. И здесь, на ступеньках, нос к носу столкнулась с незнакомым, но весьма импозантным мужчиной. Хотя он был на полголовы ниже ее, Мила тотчас невольно приосанилась.

– Простите! – остановился незнакомец, когда, пробормотав извинения, она скользнула мимо. – Вы ведь Людмила Орехова, не так ли?

– Лютикова, – поправила та, удивленно оборачиваясь и глядя на незнакомца. – Я не брала фамилию мужа.

– Наслышан о вас. – Незнакомец потряс ее руку, которую подхватил без всякого стеснения. – Меня зовут Дмитрий. Дмитрий Дивояров. Мы с вашим мужем начинаем новый большой проект.

– Что вы говорите? Мы с ним тоже начинаем новый большой проект! – не удержалась от сарказма Мила. Она снова почувствовала себя брошенной. – Мы с ним разводимся.

Чело Дивоярова потемнело, хотя он всего лишь нарисовал одну морщинку между бровями.

– О! Мне так жаль. Впрочем, теперь, когда я вас увидел, точно не могу сказать, жаль мне или нет.

– В каком смысле? – опешила Мила.

– Мне приятно сознавать, что вы теперь свободная женщина.

Дивояров был свеж, чисто выбрит и оттого приятен глаз, и обонянию. Говорил и двигался с ленцой, компенси-

румя незавидный рост барскими манерами. Руки у него были очень спокойные, несуетливые. Во время разговора он не жестикулировал, придерживая на губах неяркую улыбку, и тем приобретал над собеседником странное превосходство. Мила тотчас же попала в эту ловушку и теперь не знала, как себя вести. Из-за этого она мгновенно взволновалась и покраснела.

– Не согласитесь выпить со мной чашечку кофе? – Дивояров указал упругим подбородком на соседнее кафе.

– Чашечку кофе я бы выпила с удовольствием, – сказала она, недоумевая, что понадобилось от нее этому человеку.

Дивояров подставил ей руку таким жестом, будто они были на танцах и он собирался вести ее в центр зала. Мила неохотно просунула кисть ему под локоть и тут же ощутила, насколько мягкое у него пальто.

«Нет, этому типу явно от меня что-то нужно», – подумала она и вздрогнула, увидев в витрине свое отражение. Ее прическа наводила на мысль об ураганном ветре. И прямо на лбу был написан возраст с точностью до месяца.

– Хотите что-нибудь сладкое? – спросил Дивояров, раскрывая пластиковое меню.

– Благодарю, но я на диете.

– Женщины изнурены одной идеей похудания, – почти сердито сказал Дивояров. – Вы ведь можете позволить себе что угодно. У вас идеальные формы для тридцатилетней женщины.

Комплимент показался ей симпатичным и весьма искренним, однако Мила ни на секунду не усомнилась в том, что ее мыслят для чего-то использовать. Кое-как поддерживая беседу, она ждала, когда же Дивояров приступит к завуалированному допросу. Внутренне она была готова к нему и напрыгала так, что у нее даже заболел пресс. Однако этот странный человек так ничего и не спросил. Он рассказывал ей смешные истории и вынуждал без конца улыбаться.

– Разрешите предложить вам свою визитную карточку? – спросил он и, слазив в карман, вложил в руку Милы атласный прямоугольник.

Жест был почти интимным. Мила тотчас отставила чашку и засобиравлась домой. Дивояров вывел ее на улицу, придерживая за талию, и, опутав длинным восхищенным взором, неохотно отпустил.

– Очень приятно было с вами познакомиться, – сообщил он. – Уверен, мы еще встретимся.

– Звучит довольно зловеще, – пробормотала Мила, ожидая, что Дивояров что-нибудь скажет на это.

Однако он только тяжело вздохнул, словно страдалец, которого рассвет гонит из-под балкона любимой женщины. Оставшись одна, Мила купила в киоске возле метро баночку джина с тоником и, усевшись на скамейку, вылакала ее, раздумывая о том, что делать дальше. Орехов абсолютно и безоговорочно убедил ее в том, что мужик в колготках стрелял не в нее, а в Алика. «Я буду последней сволочью, если

не предупрежу старого друга об опасности! – решила Мила и купила себе еще одну баночку легкого спиртного. – Правда, рассказ мой будет звучать дико. Вероятно, надо предупредить его анонимно». Через полчаса сам бог повелел, чтобы Мила прикончила третью баночку джина и в придачу к нему бутылку светлого английского пива. После этого смелость уже просто распирала ее, и она решила выполнить задуманное тут же, не откладывая дела в долгий ящик.

Конечно, если она позвонит в редакцию и просто изменит голос, Любочка Крупенникова ее не опознает. Но сам Алик! Они знакомы тыщу лет, и ее могут выдать интонации. Значит, надо придумать какой-нибудь трюк. Очень кстати Мила вспомнила, как в детстве они с подружками басом разговаривали в стакан. Звук получался захватывающим. Захмелевшая Мила растерянно огляделась по сторонам. Отложить мероприятие до дому? А вдруг Алика укокошат прямо сейчас?

Чувство справедливости погнало Милу к небольшому застекленному магазинчику, выстроенному прямо возле выхода из метро.

– Простите, у вас есть граненый стакан? – важно спросила она у толстой наруганной продавщицы с обесцвеченными усами.

– Шутите, что ли? – ухмыльнулась та.

– Ну хорошо, а банка? – не отставала Мила. – Стеклянная?

– Вот, пожалуйста, банок миллион! – продавщица махнула рукой в направлении полок.

Здесь действительно стояли банки, в которых находились продукты – огурчики, баклажанная икра, кукуруза.

– Какую вам?

– С широким горлышком, – сообщила Мила, намертво вцепившись пальцами в край прилавка. – Чтобы я могла пролезть туда ртом.

– Зачем ртом? – опешила продавщица. – Возьмите вон пластмассовую ложку. Пять штук в упаковке, недорого. Так чего вы будете?

– Майонез, – сообщила Мила, приценившись к самой пухлой банке на полке. – Вон тот, с желтой крышечкой.

Продавщица молча пробила чек и подала Миле банку и пластмассовые ложки. Мила схватила свои покупки и отправилась на улицу, к таксофонам. Выбрав самый крайний, она поставила на подвесную полочку майонез и принялась зубами вскрывать упаковку с ложками. Мысль вытряхнуть майонез в урну просто не пришла ей в голову. Спиртное в крови да еще оказавшиеся в наличии ложки ее дезориентировали.

Открутив у банки крышку, Мила отправила в рот первую порцию. Майонез был вкусным, но жирным. И если первая половина банки проскочила почти незаметно, то вторую желудок уже просто отторгал.

Мила сунула нос в полупустую банку и басом сказала:

– Эй, ты! Тебя хотят убить! Берегись!

Судя по всему, майонез все-таки мешал появиться эху, и нужного эффекта не получилось. Мила с отвращением принялась доедать остатки продукта, время от времени пробуя звук. Она отправляла ложку майонеза в рот, проглатывала ее, потом подносила банку к губам и страшным голосом говорила: «Ха-а!» Наконец банка опустела окончательно.

Сыто рыгнув, Мила подняла глаза и увидела, что возле таксофона толпятся люди, которые смотрят на нее с брезгливым интересом.

– Чего тебе? – нелюбезно спросила Мила, обращаясь к толстячку в шапке-пирожке, который стоял ближе всех.

– Мне позвонить, – трусливо пояснил тот.

– Вот же хамы! – возмутилась Мила. – Обязательно надо звонить там, где я стою! Таксофонов – целый лес!

– Но работает только этот, – пяťясь, пояснил мужчина.

– Сначала я, – жестом остановила его Мила.

Она достала из кошелька телефонную карту и долго пыталась скормить ее автомату. Наконец попала прямо в прорезь и с четвертой попытки набрала номер редакции.

– Вас слушают! «Возраст женщины!»! – донесся до нее полный искусственной доброты голос Любочки.

– На! – сказала Мила, внезапно протягивая трубку мужчине в «пирожке». – Позови к телефону Альберта Николаевича. Быстрее закончим.

Тот послушно взял трубку и исполнил просьбу.

– Мне бы Альберта Николаевича, – взволнованно пискнул

он.

– Умница, – похвалила его Мила, вырывая трубку обратно.

– Алло! – услышала она голос Алика Цимжанова.

Мила схватила банку и, поднеся ее к правой половине рта, страшным голосом сказала:

– Это предупреждение! Тебя хотят убить!

– Кто это? – рассердился далекий Алик.

– Доброжелатель.

– Что вам надо?!

– За тобой охотится убийца в колготках на голове, – замогильным тоном сообщила Мила. – Он хочет выстрелить в тебя из пистолета. Будь осторожным. Найми телохранителя. Ты все понял?

Неожиданно для себя она икнула прямо в банку, и со стороны показалось, что это всхлип или смех. Все в целом получилось довольно зловеще.

– Надо милицию позвать! – возмущенно сказала какая-то тетка, увешанная пакетами. – Это ведь телефонная хулиганка!

– Да я наоборот! – обиделась Мила. – Я предупредила хорошего человека!

– Угу, угу, – покивала головой тетка, показывая, что ни-сколечко не поверила. – Такие вот звонят по разным учреждениям и говорят, что там заложена бомба.

Оскорбленная до глубины души Мила отправилась к Оль-

ге. Та встретила ее страшным воплем:

– А-а! Вот она! Видали?

– Что значит – видали? – пробормотала Мила, отставляя голову подальше, отчего у нее появился второй подбородок. – Чего ты на меня кричишь?

– Я все утро обрывала телефон – тебя нет. Тогда я позвонила частному детективу, которого мы вчера наняли. Он вскрыл балконную дверь, и оказалось, что ты испарилась! Хотя он клялся, что утром ты была не в состоянии не только ходить, но даже лежать по-человечески.

– Он судил по себе, – заметила Мила, нога об ногу сковывая туфли. – Как ты думаешь, я могу понравиться богатому мужчине?

– В настоящий момент? – уточнила Ольга.

– Ну да, именно в настоящий.

– Безусловно, если он лишен обоняния, имеет сильные дефекты зрения и при этом раздавил свои очки.

– Боже! Боже! Что же тогда ему было от меня нужно?! – воскликнула Мила, отправляясь на кухню с воздетыми вверх руками.

Ольга побежала за ней, спрашивая на ходу:

– Кому нужно? Что ты опять натворила?

– Я ездила к Орехову за деньгами, но он ни шиша мне не дал! Сказал, что стреляли, конечно, в Алика, потому что я слишком ничтожное создание, чтобы меня убивать.

– Сволочь, – с чувством произнесла Ольга, судорожно

щелкая зажигалкой.

– А потом на улице я встретила его нового инвестора. Он повел меня пить кофе. – Мила пристально поглядела на Ольгу и спросила: – Как ты думаешь, зачем?

– Возможно, он тебя просто пожалел, – предположила та. – Вид у тебя, скажем прямо, не блестящий.

– Но он делал мне комплименты. Сбросил десяток лет, обаял, дал визитную карточку...

– Н-да, – пробормотала Ольга, еще раз критически оглядев пьяную сестру. – Тут и в самом деле что-то не то. Кстати, твой Орехов – умный мужчина. Что, если он прав и стреляли все-таки в Алика? Его тогда надо предупредить! Мы ведь с тобой думали об этом!

– Я уже звонила ему.

– Он тебя не узнал? – забеспокоилась Ольга.

– Я говорила в банку. Чтобы освободить ее, мне пришлось съесть триста грамм немецкого майонеза. До сих пор не могу поверить, что он переварился. Наверное, растворился в джине. Или в пиве.

– Ты ела майонез с пивом? – испугалась Ольга. – Боже мой! Где? Заказала в кафе?

– Нет, я ела его на улице, возле таксофона.

– Это ужасно. Вижу, встречи с Ореховым действуют на тебя самым удручающим образом. Надо положить им конец!

– Он и положил. Ты не забыла? Мы расстались. И теперь, кроме денег, нам больше не о чем разговаривать.

– Дорогая, но ведь разговор о деньгах – самый важный разговор для женщины! – удивилась Ольга.

– И это говоришь ты, которая втрескалась в молодого идиота с дырявыми карманами!

– Да, но у Николая будут деньги! Он ожидает их со дня на день! Он обещал сразу же купить для меня «Ситроен ХМ». И норковую шубу.

– Ты собираешься обивать мехом спальню? Если я не ошибаюсь, у тебя от каждого мужа осталось по шубе, – заметила Мила.

– Значит, должна остаться и от Николая.

Ольге трудно было отказать в логике, поэтому Мила решила оставить тему Николая в стороне.

– Не могу поверить, что все это мне не снится! – призналась она, заливая в себя вторую кружку кофе с молоком. – Еще недавно я тряслась от ужаса, а теперь – пуф-ф! Все мои страхи развеялись, точно дымок затухающего костра. И дышится так... – Она глубоко вдохнула и замерла с открытым ртом.

– Что? – испугалась Мила.

– Кажется, это майонез.

– Тебе не надо было выходить из дому! Ты могла бы позвонить Орехову по телефону.

– Тогда бы он мне точно ничего не дал. А так – глаза в глаза – был шанс.

– Надо позвонить нашему частному детективу. Убеждена,

что он потерял голову от беспокойства.

Ольга схватила телефон и быстро набрала номер, который за утро выучила наизусть. Однако на звонок никто не ответил. Борис сидел на подоконнике в подъезде, а «их частный детектив» спал, положив под голову руки, трогательно сложенные корабликом.

– Вероятно, стоит отказаться от услуг Глубоководного, – заявила Мила, наблюдая за сестрой. – Зачем он мне теперь, когда ясно, что мне ничто не угрожает?

– Да-да, ты права, – кивнула головой та. – Теперь он только все осложнит. Возможно, именно сейчас он копается в твоём грязном белье.

– Он ничего там не найдет, – повела бровями Мила. – Я постирала все, кроме банного полотенца. Пожалуй, я переночую здесь, в своей старой комнатке.

– Переночуешь? Но еще день! – возмутилась Ольга. – Нельзя вести такую жизнь, когда все вверх ногами!

– У меня чрезвычайные обстоятельства, – пробормотала Мила, повесила голову на грудь и закрыла глаза.

Следующим утром Ольга рывком распахнула дверь и помедлила на пороге. Ее сестрица сладко спала, свернувшись калачиком в постели. Короткие встрепанные волосы, румяная щека с отпечатком пуговицы от наволочки и блаженное выражение на физиономии. Как будто ей всего восемь, а не тридцать восемь.

Проходя мимо стола, Ольга на секунду остановилась. Ее внимание привлек стандартный лист бумаги, исписанный весело взбрыкивающими буквами. Приподняв бровь, она прочитала название: «Двое в многоэтажке». Далее следовало слово «Врез» и фраза: «Семь лет они жили на одной лестничной площадке, но никогда не смотрели друг другу в глаза, даже в лифте». Ольга фыркнула и небрежно стряхнула на лист пепел с сигареты, которую держала в руке.

– Милка! – громко сказала она. – Немедленно просыпайся.

– Ну что опять? – проскулила та, отворачиваясь к стене. – Зачем я тебе понадобилась в такую рань?

– С тобой срочно хочет пообщаться жена твоего прежнего любовника.

– Прежнего любовника? – пробормотала Мила уже значительно менее противным тоном. – И как она меня нашла?

– Ничего удивительного, дорогая! – хмыкнула Ольга. –

Тут живут твои мама и папа. Логично было поискать тебя у них.

– Я могла быть где угодно, – пробормотала Мила, с кряхтением принимая сидячее положение. – А зачем я ей сдаюсь? Черт, и какого любовника?

– Хлюпова, разумеется. Разве у тебя до Гуркина был еще какой-нибудь любовник?

– Вот гадство! Что ты ей сказала?

– Сказала, чтобы перезвонила попозже. Минут через пятнадцать. Учитывая твою бойкость, ты, возможно, даже успеешь почистить зубы.

Мила завозила в постели.

– Она не призналась, чего хочет? Мы ведь, черт побери, незнакомы. Как она представилась?

– Снежаной. – Ольга пожала плечами и, понизив голос, добавила: – Несла какую-то галиматью про Мексику.

– Да? – заинтересовалась Мила, приглаживая волосы пяттерней. – А поподробнее?

– Ну... Она сказала, будто бы Толик Хлюпов умер.

Мила некоторое время молча смотрела на сестру, потом ее зеленые глаза гневно сверкнули.

– Ольга, ты в своем уме?! – воскликнула она, отбрасывая одеяло. – Что значит – умер?

– Я вот тоже удивилась. Но она настаивала. Она, знаешь, была чертовски серьезна.

– Но при чем здесь я? – кипятилась Мила.

– Не знаю, не знаю... – пробормотала Ольга и, потянувшись в сторону импровизированной пепельницы, постучала острым ногтем по сигарете.

– Ты засыпала пеплом мой черновик! – мгновенно обвинила ее Мила. – Ни стыда ни совести.

– У тебя все равно не возьмут опус с таким ужасным названием.

– Еще как возьмут, – пообещала Мила. – Если ты, конечно, окончательно не загадишь плоды моих ночных раздумий.

В соседней комнате телефон издал несколько требовательных восклицаний.

– О! – сказала Ольга, воздев палец. – Уверена, мадам Хлюпова рассчитывает на то, что ты уже ополоснула морду и сделала пару приседаний.

Мила выпрыгнула из постели и быстро-быстро прошлепала босыми ногами по паркету.

– Алло! – сказала она голосом, вобравшим в себя всю мировую скорбь. – У телефона Людмила Лютикова.

С заинтересованным лицом Ольга подошла поближе.

– Здесь, внизу? Черт побери, конечно, заходите! Она сейчас поднимется, – пояснила она для Ольги, положив трубку на место. – Ничего, что я приму ее в халате и неумытая? Ладно, не отвечай. Даже если «чего», все равно не успею одеться.

Через минуту она уже открывала дверь Снежане Хлюповой. Это была дама средних лет, весьма примечательной внешности. Казалось, будто в детстве ей в качестве утеше-

ния предложили сыграть прекрасную принцессу, она вошла в образ, да так в нем и застряла. Она была маленькой, пухленькой и некрасивой. Длинные белые волосы спускались по плечам до самого пояса. Эти волосы да еще сильно накрашенный рот совсем ей не шли.

– Это вы Лютикова? – спросила мадам надтреснутым голосом. – Меня зовут Снежана. Я могу войти?

– Э-э... – озадаченно протянула Мила. – Конечно. Пойдемте на кухню. Выпьем по чашечке кофе. Вы как?

– Очень хорошо.

– Сестра сказала мне, что вы жена Толика Хлюпова, – осторожно забросила удочку Мила, не представляя, чего ждать от странной гостьи.

– Сказать вернее, – неожиданно всхлипнула женщина с накрахмаленным именем Снежана, – я его вдова.

Она достала из кармана носовой платок и несколько раз глухо протрубила в него. Потом отняла платок от лица и пояснила:

– Толик умер сегодня рано утром.

Мучившаяся похмельем Мила почувствовала себя еще хуже, чем минуту назад. Толик Хлюпов был ее единственной супружеской изменой. Однако они давно расстались, Толик женился и сгинул навсегда. До сих пор Мила понятия не имела, кого он осчастливил штампиком в паспорте.

– Сочувствую вам, – пробормотала Мила и тут же спросила: – А что с ним случилось? Катастрофа на дороге?

– Нет. – Снежана покачала головой, а ее волосы, прилипшие к плащу, который она не пожелала снять, при этом даже не пошевелились. – Он отравился.

Выпитая чашечка кофе в желудке у Милы заволновалась. Щеки мгновенно покрылись легкой зеленью.

– Когда я приехала в больницу, – продолжала плачущим голосом белокурая вдова, – он уже выпускал последние вздохи.

– Простите, я что-то никак...

– Сейчас все поймете. Перед тем как его глаза навсегда закрылись, он изо всех сил схватил меня за руку, – Снежана показала, как он это сделал, вцепившись похолодевшей Миле в запястье, – и прохрипел: – «Вопрос жизни и смерти. Срочно найди Милу Лютикову и скажи ей...»

– Меня? – ахнула Мила.

Ольга, которая стояла на пороге кухни, округлив рот и глаза, схватила за горло.

– Я знала про вас с ним, – скорбно сообщила вдова. – Толик мне все рассказал. Для меня не было неожиданностью услышать ваше имя из его мертвеющих уст!

– Так что просил сказать мне Толик?

Мила думала, что услышит что-нибудь душераздирающее или хотя бы душещипательное. Однако Снежана ее форменным образом ошарашила:

– По правде говоря, нечто ужасно странное. Видите ли, он не успел закончить фразу. – Она снова полезла за платком и,

опустив в него лицо, помусолила свой нос, размазав попутно и тушь, и помаду.

– Странное? – нетерпеливо переспросила Мила.

– Он прохрипел: «Скажи ей, чтобы она выбросила мексиканскую...»

– Что – мексиканскую? – вытаращила глаза Мила.

– Не знаю. Толик не успел договорить.

Женщины молча уставились друг на друга.

– Может быть, у него был бред? – высказала предположение Мила.

– Ни-ни! – запротестовала вдова. – Он был в сознании и отлично все понимал.

– Но у меня нет ничего мексиканского! – растопырила руки Мила.

– Может быть, он имел в виду шляпу? – робко спросила Снежана. – У вас есть дома мексиканская шляпа?

– Есть широкополая шляпа с завязочками. Может, она и мексиканская. Только почему я должна ее выбрасывать?

– Я не знаю, – проямлила Снежана. – Сказать по правде, я надеялась, что вам его слова о чем-то скажут...

Однако Миле его слова ни о чем не говорили.

– Извините, но больше мне нечего вам сказать. – Свежеиспеченная вдова поднялась на ноги и двинулась в коридор. – Я сделала так, как велел Толик. И больше я вам ничем помочь не могу.

Когда за ней захлопнулась дверь, Ольга растерзала оберт-

ку на новой пачке сигарет и, затянувшись, выпустила дым в потолок, высоко закинув голову.

— Ну и дела! — протянула она. — Милка — ты самый настоящий магнит, притягивающий всякие глупости.

Мила ее не слушала. Она продолжала ломать голову над последними словами умирающего. Подумать только! Бывший любовник перед смертью просит передать ей сообщение: «Выброси мексиканскую...» Для него это было важно, раз он потребовал от жены найти Милу срочно и всенепременно.

— Ну, что скажешь? — спросила она окутанную клубами дыма Ольгу. — Полагаешь, это серьезно?

— Давай допустим, что серьезно. Тебе приходит что-нибудь в голову по поводу прилагательного «мексиканская»? Ну, быстренько, навскидку!

— Мексиканская кухня, мексиканская прерия, мексиканская гитара, мексиканская фазенда...

— Гитара испанская, а фазенда бразильская, — тут же поправила ее Ольга.

— А больше я ничего не знаю.

— Давай посмотрим по словарю, — предложила Ольга.

Она притащила «Советский энциклопедический словарь» восьмьдесят четвертого года выпуска и принялась его листать. В словаре, кроме непосредственно Мексики, обнаружили еще Мексиканское нагорье, Мексиканский университет и мексиканская революция. А на десерт Мексиканская

коммунистическая партия. Сестры были откровенно разочарованы.

– Придумай что-нибудь еще! – потребовала Ольга.

– Все равно, что бы я ни придумала, этого нет у меня дома!

И я не могу это выбросить. Не могу выполнить последнюю волю умирающего!

«Мексиканская» загадка была разгадана в тот же день, как только Мила возвратилась домой. Она сразу поняла, что на кухне побывал кто-то посторонний. Все здесь было замусорено, а вещи лежали не на своих местах. На столе, прижатая солонкой, обнаружилась записка следующего содержания.

«Дорогая Милочка! Поругался с женой и не знал, куда пойти. Вспомнил, что у меня остались ключи от твоей квартиры, где когда-то мы были так счастливы вдвоем. Явился поздно, но тебя, увы, не застал. Позвони мне! Извини, что покусился на твои продовольственные запасы – выпил пакет молока и поджарил «мексиканскую смесь», которую нашел в морозилке. Навсегда твой Толик Хлюпов».

«Мексиканская смесь»! – возликовала Мила. – Вот что имел в виду умирающий Толик!» Впрочем, следующая мысль мгновенно остудила ее радость. Толик скончался в больнице от отравления. Перед смертью велел срочно найти Милу и передать ей, чтобы она выбросила «мексиканскую». Вероятно, он имел в виду смесь. Сказал, это вопрос жизни и смерти. Неужели он отравился этим самым продуктом? Здесь, у нее в доме?!

Поскольку сковорода была пуста, Мила залезла в холодильник и, как и предполагала, обнаружила там мисочку, в которую Толик аккуратно сгреб остатки рокового ужина.

Опасливо понюхав ее содержимое и не обнаружив ничего особенного, Мила все-таки решила не рисковать. Она положила предполагаемую отраву в пакет, завязала его тугим узелком и тщательно вымыла руки. После этого принялась названивать своей самой близкой подруге Татьяне Капельниковой, которая работала медсестрой в одной из городских больниц.

История о смерти бывшего любовника подругу потрясла.

– Ты, конечно, хочешь выяснить содержимое миски? – поделовому поинтересовалась она, выслушав взволнованную Милу. – Ладно, притаскивай ее поскорее ко мне. Я свяжусь с ребятами из санэпидемстанции. Только надо придумать подходящую легенду.

– Скажи, что у тебя сдохла собака и ты подозреваешь, будто ее отравила соседка по даче. Пусть проверят, что не так с этой дурацкой смесью.

– Мысль! – обрадовалась Татьяна. – Выезжай, а я сажусь на телефон.

Вечером выяснилось, что в смесь кто-то крошил поганок. Видимо, перчик скрасил Толику их вкус. Впрочем, кто из живых знает, какие на вкус поганки?

– Послушай, где ты купила эту смесь? – строго спросила у Милы Татьяна, приехав к ней после работы. – На оптовом рынке?

– Не поверишь – в соседнем супермаркете.

– Тебе нужно обратиться в милицию. Пусть они сделают

в этом магазине контрольную закупку.

Несмотря на то что подруги были ровесницами, Татьяна выглядела лет на пятнадцать старше Милы. У нее была типично «бабская» внешность: перманент, устало обвисшие щеки и мягкий складчатый живот. Из косметики она пользовалась только румянами да голубыми тенями. Впрочем, дружбе подобные нюансы нисколько не мешали, потому что завязалась она еще в детском саду и закалилась в школьные годы. Теперь ее не брала ни разница в социальном положении, ни во внешности, ни в жизненных установках.

– Ты соображаешь, что предлагаешь? – вскипела Мила, постучав по виску. – Следователи набросятся на меня, как шакалы на падаль. Испортят жизнь, затаскают по допросам.

– Послушай, а ты мусор выносила? – оживилась Татьяна. – Меня интересует тот пакет, в котором продавалась смесь.

Мила метнулась на кухню и притащила скомканный целлофановый пакет на развернутой газете.

– Сверху лежал, – сообщила она. – Срок хранения нормальный.

Простое обследование убедило женщин, что фирменный шов был нарушен, после чего пакет, очевидно, запаяли вручную. Скорее всего, раскаленным ножом.

– Итак, – сказала Татьяна строгим голосом, – налицо преступный умысел. Кто-то пробрался в твою квартиру и подсыпал отраву в мешок с замороженным полуфабрикатом. Поскольку появление голодного Хлюпова было абсолютно слу-

чайным, убраться, выходит, хотели тебя. Рано или поздно ты бы слопала это ассорти с поганками.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотала Мила, с ужасом взирая на пустой пакет.

– Да уж чего хорошего. – Татьяна озабоченно погрызла ноготь и спросила: – А у кого еще есть ключи от твоей квартиры? Кроме Хлюпова?

– Не хочу тебе говорить, – мрачно сказала Мила, ненавидевшая выговоры.

– Ах, так! Выходит, ты наделала кучу дубликатов!

– Почему это должен быть обязательно человек с ключами?

– Потому что настоящий бандит убил бы тебя бандитским способом, согласна? Ножом в спину, например. Значит, это кто-то свой, домашний.

– Прекрати! – взвизгнула Мила и, вскочив, принялась бегать по комнате, кусая губы.

– Ну, так у кого есть ключи? – снова спросила Татьяна.

– У тебя, например!

– У меня?! Ах да... – тут же стушевалась Татьяна. – Я уже и забыла. Ты же мне их лет пять назад дала, когда в отпуск уезжала. Почему обратно не потребовала?

– Забыла.

– Ладно, я – это раз, – вздохнула Татьяна. – Кто еще? У твоего нынешнего хахаля Гуркина небось тоже есть?

– Представь себе, у хахаля нету! – ехидно ответила Мила.

– Нет, так мы далеко не уедем, – сказала Татьяна. – Нужен кто-то компетентный.

– Господи! На меня ведь работает частный детектив! – встрепенулась Мила. – Совершенно про него забыла. Хотела уволить, и вот...

– Частный детектив? Зачем он тебе сдался?

– Меня один раз уже хотели уколошить. Я заволновалась, наняла этого самого частного детектива, но потом меня убедили в том, что убийца охотился вовсе не за мной. Только было я успокоилась, как вот, пожалуйста – поганки в мешочке с овощами! Каков же вывод? Меня, меня хотят убить, а не Алика!

Мила принялась рассказывать Татьяне всю историю с самого начала и одновременно звонила Ольге. Однако сестрицы не оказалось дома.

– Николай потребовал, чтобы она вывела его в свет, – сообщила мама, – и они отправились в ресторан.

– Надеюсь, ты ненавидишь этого типа так же, как я!

– Дорогая, так нельзя, – всполошилась мама. – Николай уже начал догадываться о том, что ты не смогла его полюбить.

– Всего лишь начал догадываться? – изумилась та. – Значит, он еще и тугодум.

Татьяна дождалась, пока подруга закончит разговор, и важно сказала:

– Тебе нужен телохранитель.

– Ха! Я просто грежу о нем. Но у меня нет денег.

– Может быть, отказаться от услуг частного детектива?

И нанять вместо него...

– Не получится. Частный детектив обходится мне в копейки. Если его и удастся променять, то только на сторожа-пенсионера, которого можно переманить с какого-нибудь склада, пообещав ему место у батареи.

– Неужели нет никакого выхода? – прикусила губу Татьяна. – В вашей семье случайно не найдется старой картины, которую можно было бы незаметно стырить и продать с аукциона?

Мила огорченно помотала головой:

– Ни тебе картин, ни бриллиантов. Нет-нет, тут нужно что-то кардинальное. Например, я должна сама заработать деньги!

– Решение, конечно, хорошее, – одобрила Татьяна. – Только что ты умеешь делать, кроме как бумагу марать?

– Ну... Не знаю. Печь пирожки.

– Здорово. У тебя есть бабушкин рецепт? Особенный, на котором ты сможешь сделать состояние?

– Рецепта нет. Но я могу посмотреть в кулинарной книге.

– Это все не то. Нужно что-нибудь такое... родовое... особенное.

Лицо Милы неожиданно прояснилось.

– Таня! – воскликнула она. – Вторая моя бабка научила меня варить мазь от геморроя! Она в деревне жила, так к ней

из всех соседних областей люди ездили.

– Слушай, а что? – оживилась Татьяна. – В газетах полно объявлений. Травница, мол, старинные традиции. Это мысль! Ты рецепт хорошо помнишь?

– А чего там помнить? Берешь корни травы, измельчаешь в ступке...

– Какой травы?

– Ну, я не в курсе, как она называется, но могу узнать ее «в лицо»!

– Дорогая, на улице сентябрь, – напомнила Татьяна.

– И отлично. Бабка собирала корешки до первого мороза. Мне надо разок выехать за город и побродить по опушке. Я даже знаю, куда поеду. Всего несколько остановок на электричке. Помнишь то милое местечко, куда мы несколько раз выбирались на шашлыки? Станция Митяево? Так вот там этой травы – завались. Хватит на тысячу седалищ.

– А если твой рецепт не сработает?

– Если не сработает, никто не пострадает. Это же не отвар, который принимают внутрь. Никакой уголовной ответственности! – сообщила довольная Мила. – И кроме того, почему это он не сработает? Бабку деревенские на руках носили.

– Неужели у всей деревни был геморрой?

– А ты думала? Больных – сотни! Люди просто не выставляют эту болезнь напоказ.

– Я даже догадываюсь, почему.

– Эх, мне бы только клиентов найти! – стукнула кулаком

по ладони Мила. – Я, конечно, дам объявление в газете, но ждать ответа придется долго!

– Подожди с объявлением. На первых порах я сама смогу помочь, – оживилась Татьяна. – Не забывай, что я работаю в поликлинике. Попробую шепнуть парочке страждущих твой телефончик.

– Таня, ты – гений. Ты просто не представляешь, как это для меня важно!

– Почему же? Очень хорошо представляю. Если бы меня хотели застрелить и отравить, я бы тоже беспокоилась. И все же зря ты не хочешь вызвать милицию.

– Я посоветуюсь со своим частным детективом, – пообещала Мила, мельком глянув на потолок и подумав: «Интересно, что делает этот красавчик?» – Кстати, если я начну распространять мазь, мне потребуется для нее тара. Рекламирывать препарат, а потом продавать его в баночках из-под майонеза как-то неудобно. А у вас в поликлинике случайно не завалялось ничего подходящего?

– Господи, конечно, нет! Кто же станет хранить пустые флаконы!

– Мало ли... Я вот иногда оставляю для хозяйственных нужд коробки из-под «Нивеи» или из-под витаминов.

– Может быть, тебе стоит дать объявление в газету как раз по этому поводу? – предложила Татьяна. – Народ натащит тебе пустой тары за копейки.

– Это мысль! – обрадовалась Мила. – Как ты думаешь, я

еще успею дать рекламное объявление?

– Что, прямо сегодня? – удивилась Татьяна.

– А чего ждать? С мазью я решила твердо – надо ковать железо, пока горячо! Ты жди меня здесь. Заодно приготовь ужин. Да! Можешь смело считать это актом милосердия.

– Знаешь, куда она ездила? – спросил Борис, вышагивая по комнате с видом петуха, обнаружившего ямку с червями.

– Не знаю, – буркнул Константин, мучимый самыми дурными предчувствиями по поводу всего происходящего.

– В редакцию газеты. Она дала объявление.

– Надеюсь, тебе удалось прочитать текст?

– Еще бы! И какое объявление – пальчики оближешь! – Борис извлек из кармана скомканную бумажку и процитировал по ней: – «Куплю пустые пластмассовые баночки из-под кремов и пищевых добавок».

– Зачем это ей банки? – опешил Константин.

– Как? Тебе ничего не приходит в голову? – Борис скорчил многозначительную мину. – Ну, думай, думай.

– Хочешь сказать, она сама в этом замешана?

– А почему бы нет? Допустим, – Борис весь полыхал азартом, – она – из шайки покупателей «невидимки». Не думаю, что дед запродавал-таки прямо технологию его изготовления – скорее всего, пробную партию. Не дурак же он в самом деле! Лютиковой поручили... ну, не знаю... расфасовать эту партию. И вот сейчас она пытается обеспечить для этого тару.

– Не лишено смысла, но коряво, – вынес вердикт Константин.

– А давай допустим, что типы, с которыми имел дело наш

дед, – дилетанты! Сам подумай: откуда у него связи с наркодельцами?

– Но человеку с улицы ведь не предложишь эдакую сделку! – возразил Константин.

– Дед наш – большой оригинал, если ты запомнил. Среди его знакомых можно найти буквально кого угодно. Может, он вообще не сам придумал наркотик изобретать? Может, его надоумили? Заказ ему сделали? Пообещали золотые горы?

– Вот это больше похоже на правду, – пробормотал Константин. – С чем совершенно не вяжутся пустые баночки из-под крема.

– После того как ты провел с Лютиковой ночь, ты к ней изменился! – обвиняющим тоном заявил Борис.

– Ну, да, я не черств, у меня есть чувства, – заявил тот, смерив брата монаршим взором. – Но можешь не бояться: хотя Лютикова мне нравится, это не мешает делу. Единственное...

– Да?

– Мне бы хотелось уберечь ее от опасности. С какой стороны ни посмотри, выдавая себя за частного детектива, я ее обманываю. И это не невинная шалость, ведь на ее жизнь действительно покушаются.

– Я в этом не уверен.

– Но она явно кого-то боится! Это я тебе говорю!

– Я не меньше тебя заинтересован в том, чтобы она оста-

лась жива, – помедлив, заявил Борис. – Я ведь не злодей какой-нибудь.

– Тогда давай по-тихому найдем для нее настоящего частного детектива.

– Ага! Чтобы он тотчас же расколол нас, как два гнилых ореха. Не забывай, под нашим покровительством еще Верочка, бабушка и доморощенный Билл Гейтс в коматозном состоянии.

– Тогда не частного сыщика, а телохранителя. У тебя ведь есть на фирме специальный человек, – обвиняющим тоном заявил Константин. – Перебрось его на другой объект.

– Нет уж, мой человек пусть занимается моей фирмой, – завредничал Борис. – Лучше давай возьмем кого-нибудь другого, со стороны.

– Хорошо, я этим займусь.

– Только выбери парня с нормальным лицом, а то твоя Лютикова, если вдруг заметит слежку, от страха отбросит свои симпатичные ножки. Хотя подожди! Есть у меня на примете один десантник. Бывший, конечно. Я ему сегодня позвоню.

Едва он это произнес, как у Константина на поясе загудел мобильный телефон.

– Алло! Здравствуйте, это Мила Лютикова, – услышал он взволнованный голос. – У меня тут кое-что случилось, не могли бы вы зайти?

– У нее что-то стряслось, – закрыв трубку ладонью, по-

делился Константин информацией с братом. И, убрав руку, пообещал: – Через минуту буду у вас!

– Открой ему, пожалуйста, – попросила Мила подругу, спешно скрываясь в ванной. – Надо хотя бы причесаться. В последнее время я разгуливаю по городу, как еж, которого сильно испугали.

– Твои интонации наводят меня на мысль, что тебе понравился этот мужчина, – заявила Татьяна.

И тут раздался звонок в дверь. Через минуту Мила услышала, как подруга игривым тоном говорит:

– Здра-авствуйте! Да проходите же, пожалуйста! Мы вас с нетерпением ждем.

Татьяна ворвалась перед Глубоковым на кухню и, сделав страшные глаза, прошептала:

– Он такой... Такой! – У нее не хватило слов и, вместо того чтобы закончить формулировку, она просто проглотила порцию воздуха.

Исполненный чувства собственного достоинства Глубоков улыбнулся Миле, словно звезда особо рьяному поклоннику, прыгающему в толпе.

– Салют! – сказал он. – Я пришел. Итак?

– Садитесь, – нервно предложила Мила.

До сих пор она не отдавала себе отчета, до какой степени у соседа сногсшибательная внешность. Однако Татьяна, которая явно пришла в дикий восторг, заставила ее взглянуть на него более объективно. Мила немного помолчала, чтобы

минута тишины сделала ее заявление позначительней. После чего сообщила:

– У меня плохая новость: меня хотели отравить.

Она торжественно выложила на стол газету, на которой лежал одинокий пакет из-под замороженных овощей.

– Что это? – спросил Константин, потянувшись к нему.

– Осторожно! – ахнула Татьяна, схватив его руку в две свои жадные ладони. – Там была отрава!

– Ладно, ладно, не волнуйтесь, я не стану облизывать пальцы до тех пор, пока не помою руки, – попытался освободиться тот. Когда ему это удалось, он снова повернулся к Миле: – Расскажите все с самого начала.

Мила устроилась на табуретке напротив него и начала сбивчиво рассказывать. Много времени это не заняло. Когда она закончила, Константин сказал:

– Выходит, поначалу ваша смерть задумывалась как бескровная и безмолвная. И это была, вероятно, первая попытка с вами разделаться. Ведь вы утверждаете, что купили эти овощи месяц назад.

– Да-да, очень давно.

– Положим, отравить их могли тоже очень давно. Но у вас все руки до них не доходили. И вот тогда-то... Тогда у вашего врага истощилось терпение и он нашел более радикальный способ от вас избавиться. Раздобыл пистолет, явился в редакцию...

– Но у меня нет врагов! – возразила Мила, разведя ру-

ки в стороны. – Поверьте, я совершенно обычная женщина! Жизнь моя невероятно проста, в ней все предсказуемо, как в американской внешней политике.

– Гм, – сказал Константин, который после консультаций с братом пришел к выводу, что у Лютиковой рыльце все же в пушку. – Возможно, есть какая-то вещь, которая, на ваш взгляд, кажется мелочью, а на взгляд преступника – убийственна для него.

– Не может быть, чтобы я ни о чем не догадывалась! – возразила та. – Кроме того, если уж я во что-то вляпываюсь, то всегда с брызгами и шумом. Планида такая.

– Этот пакет я заберу, – важно сказал Константин. – Кстати, вы не обращались в милицию?

– Н-нет, сестра мне не посоветовала.

– Ага, – кивнул головой он, как будто бы мнение Ольги не подлежало обсуждению. – Прошу вас как можно реже выходить из дома. А лучше – вообще из него не выходить.

В Миле некоторое время боролись противоречивые чувства. В конечном итоге неистребимое желание заработать деньги на телохранителя одержало чистую победу.

– Сегодня может быть, – неохотно сказала она. – Но завтра с утра мне надо будет отлучиться.

– Куда? – живо спросил Константин. – Если уж не можете удержаться, то хотя бы сообщите мне маршрут.

– Ей надо в лес, – брякнула Татьяна, замороженно глядя на голубоглазого обманщика. – Выкапывать корни.

Тот моргнул и непонимающе уставился на нее.

– Она шутит. – Мила успокаивающе похлопала его по руке, а Татьяне изо всех сил наступила на ногу.

– Шучу, – подтвердила та, глупо хихикнув.

– Я поеду к мужу, – соврала Мила, и Глубоков нахмурился:

– Не так давно вы божились, что между вами все кончено.

– Так и есть. Просто мы делим имущество, и у нас возникли кое-какие трения по поводу э-э-э... комода. Кому он достанется. Редкая вещь, если вы знаете толк в мебели.

– А вы не могли бы... хм... отложить это мероприятие или хотя бы перенести его на вашу территорию? Пусть муж после работы приедет делить комод сюда.

– Я предложу ему, – пообещала Мила. – Правда, не знаю, согласится ли он. Квартира навевает на него тяжелые воспоминания.

– В общем, договоримся так, – подвел итог Константин. – Если вы поедете к мужу, то поставьте меня в известность по телефону. Договорились?

– Договорились! – пообещала Мила, глядя ему прямо в глаза и точно зная при этом, что звонить ему не будет, а ранним утром выскользнет из квартиры, никем не замеченная.

Она ни за что не хотела рассказывать частному сыщику о своих материальных затруднениях, о недоверии, которое она испытывает лично к нему, о намерении заработать деньги на телохранителя и тем более о способе, с помощью ко-

торого она собирается этого добиться. С одной стороны, ей было страшно шастать по улицам после того, как она точно выяснила, что на ее жизнь покушались дважды. С другой стороны, бездеятельность казалась ей еще худшим злом, чем кратковременный риск, который обернется денежной выгодой. А уж с деньгами можно будет позаботиться о себе по-настоящему.

Внешность Софьи, жены Алика Цимжанова, просто кричала о ее южных корнях. У нее была оливковая кожа, жемчужные зубы и обжигающе злые глаза – продолговатые и пристальные, как у пантеры. Кудрявые черные волосы она сегодня тщательно запрятала под вязаную шапочку, натянутую до бровей. Было около шести утра. Неверный Алик сладко спал на боку, приоткрыв рот и негромко перекачивая в горле мягкое «эр».

«Нет, он не достанется этой драной белой кошке!» – мстительно подумала Софья, которую жестокая ревность выгнала на тропу войны. Не далее как вчера вечером она подслушала разговор своего мужа с давним приятелем. Сначала мужчины сидели на кухне и громко обсуждали всякую чепуху. Однако Софья заметила, как блестят глаза ее мужа. Потом друзья заперлись в кабинете и заговорили приглушенными голосами. Софья тотчас же все поняла и бросилась подслушивать. То, что она узнала, повергло ее в шок. Алик все-таки дозрел до супружеской измены! И если прежде ненавистная Лютикова упорно держала его в друзьях, то теперь, после расставания с Ореховым, наконец-то капитулировала. Ах, какая коварная хищница! Она хочет устроить свою судьбу за ее счет! Не выйдет!

Всю ночь Софья терзалась ревностью и придумывала, как

предотвратить самое ужасное. Алик собирался вести эту выдру в ресторан, а потом... Софья решила, что убьет Лютикову. Однако в таком случае ее могут посадить, и Алик достанется кому-нибудь еще. Нет-нет, надо придумать что-то более изощренное, более жестокое. Надо навсегда отвратить Алика от этой швабры. Сначала Софья додумалась набить ей физиономию, но потом поняла, что подобная выходка тоже может оказаться для нее небезопасной. Лютикова будет защищаться, и невозможно предсказать, кто победит. Наконец Софья придумала гениальный план: испортить Лютиковой внешность, причем так, чтобы та не догадалась, кто это сделал. Ведь за хулиганство, кажется, привлекают к ответственности.

Действовать нужно было не медля. Софья надела черные брюки, неприметную зеленую куртку Алика, которая была ей великовата, но зато отлично скрадывала фигуру, громоздкие ботинки и шапочку. В качестве оружия она избрала баллон с распылителем, из которого опрыскивала традесканции. Только налила в него не воду, а жидкое чистящее средство «Магиохлор». Это была страшно ядовитая штука, которая растворяла ржавчину с одного плевка. На флаконе было написано предупреждение, обведенное красным: «Опасно! Надевать резиновые перчатки! При попадании в глаза промыть большим количеством воды».

Софья решила, что если подкараулить Лютикову в каком-нибудь укромном местечке, где под рукой не окажется

большого количества воды, и распылить ей прямо в морду этот дивный «Магиохлор», то вся прелесть слезет с нее вместе с кожей и косметикой. Во-первых, Алик уж совершенно точно не пойдет с ней в пятницу в ресторан. А во-вторых, Лютикова утратит свою сомнительную красоту безвозвратно. Может быть, она даже окосеет на один глаз, что будет вообще бесподобно.

Софья точно знала, что у Лютиковой нет машины, поэтому отправилась к ее дому на своих двоих. Было еще довольно рано, но множество людей уже покинули свои бетонные гнездышки и торопились на работу – кто бодро, кто зевая во весь рот. Софья рассчитывала на долгое ожидание в подъезде под лестницей. Каково же было ее изумление, когда, еще не дойдя до нужного дома, она увидела свою предполагаемую жертву, несущуюся в сторону шоссе. Софья тотчас же набросила на голову капюшон. В таком виде Лютикова ее никогда не узнает, даже столкнись они нос к носу. Впрочем, было заметно, что у той свои проблемы, – она оглядывалась и приседала, словно вокруг нее свистели снаряды.

«Интересно, куда это ее несет?» – подумала Софья, пристраиваясь следом. К ее великому изумлению, Лютикова примчалась на вокзал, а потом села в пригородную электричку. Несмотря на то что Мила постоянно озиралась по сторонам, ей не удалось обнаружить за собой слежку. Вернее, она видела Софью, но не узнала и на ее счет не забеспокоилась. Однако ни одна, ни вторая не заметили еще одного челове-

ка, который блеклой серой тенью следовал за ними, держась в стороне и не привлекая к себе внимания. Он умело лавировал в толпе, проявляя недюжинную ловкость и завидную реакцию. Во внутреннем кармане просторной куртки у него был спрятан пистолет и свернутые тугим клубком эластичные черные колготки.

Выпрыгнув из электрички на избранной заранее станции, Мила спустилась с платформы и скорым шагом отправилась к опушке леса. Сидевший под платформой Константин Глубоков рванул было за ней, но находившийся рядом человек мгновенно возразил:

– Надо посмотреть, не идет ли кто следом.

Хоть Константин на самом деле и не был частным детективом и даже не претендовал на то, чтобы считаться проницательным человеком, фальшь во вчерашнем выступлении Лютиковой он уловил. Ехать к мужу, чтобы делить комод в то время, когда ожидаешь, что на тебя в любой момент нападут? Нет-нет, это явная белиберда. Поэтому в тот момент, когда Татьяна отправилась закрывать за ним дверь, Константин вытащил ее за собой на лестничную площадку и прижал к исписанной непристойностями стене.

– Итак, – заговорщическим тоном сказал он. – Куда ваша подруга завтра мылится ехать на самом деле?

Татьяна облизала губы и побегала глазами по сторонам.

– Я ведь по вашему лицу вижу, что вы не склонны к глупым авантюрам, – попытался польстить ей Константин. –

Я уважаю здравомыслящих женщин. А вы, я верю, из таких. Поэтому скажите мне честно: куда собирается ехать моя клиентка?

– На станцию Митяево.

– Зачем?

– Я не знаю, – проблеяла покоренная голубыми глазами Глубокова Татьяна.

В это «я не знаю» она уперлась насмерть. Константин еще некоторое время помучил ее, потом отпустил, даже не поблагодарив.

Вечер у них с Борисом ушел на переговоры с телохранителем. Приятель Бориса оказался крепышом-блондином, который Константину активно не нравился. Причем именно своей приятной внешностью. Конечно, он еще не отдавал себе отчета, откуда взялась такая явная неприязнь. Но в глубине души подозревал, что блондин может приглянуться Лютиковой. А ему этого не хотелось бы. Ко всему прочему, у блондина была романтическая фамилия Листопадов. Звали же его, слава богу, простенько и непритязательно – Сашей.

Саша Листопадов приступил к своим обязанностям ночью.

– Высший пилотаж! – покачал он головой, выходя из квартиры Глубоковых. – Охранять тайком от охраняемого.

Как только открылось метро, Борис занял его место в подъезде, а Константин отправился в Митяево. Саша уехал туда на своем автомобиле еще раньше, чтобы разведать об-

становку и упредить появление там непоседливой Лютиковой.

– Вот увидишь, ее таинственная поездка как-то связана с нашим делом! – говорил Борис брату, бегая по комнате. – Вы завтра на чем-нибудь ее обязательно подловите в этом Митяеве.

Константин был хмур и не стал ввязываться в дискуссию. Настроение его не улучшилось и наутро. «Что можно делать в эдаком месте в сентябре месяце? – недоумевал он. – Вряд ли Лютикова едет к знакомым или родным на дачу. Нет-нет, тут что-то иное». И вот теперь он своими глазами видел, как она направляется прямо к лесу. Может быть, в лесу прячется ее сообщник? Маловероятно. Человек, который распоряжается чемоданами наличных денег, конечно, не будет жить в лесу.

В то время как Мила спускалась по ступенькам с платформы, Софья спрыгнула с другой стороны и теперь намеревалась перерезать ей путь, пройдя по перелеску. Точно так же, судя по всему, решил поступить и человек с пистолетом в кармане. Вот только Софья ему мешала. Он даже в голову не брал, что она тоже следит за Лютиковой и жаждет расправиться с ней. Приняв Софью за местную жительницу, он решил немного отстать.

Лютикова шла по полю, все замедляя и замедляя шаг, поэтому потерять ее из виду он не боялся. Добравшись до первых деревьев, она опустилась на корточки, достала пластмас-

совый совок и принялась копать в земле.

– Может быть, она собралась на рыбалку? – вслух спросил Листопадов. Они с Глубоковым все еще сидели под платформой. – Приехала накопать червей?

Константин метнул в него уничижительный взгляд.

– Но она ковыряется в грязи! – обиделся телохранитель. – Все, надо подойти поближе. Она уже ушла слишком далеко.

Между тем Софья, прикинув, в какую сторону движется Лютикова, залегла на ее пути с баллоном наперевес. Ей здорово повезло, потому что поблизости обнаружилась огромная куча опавших листьев, куда она зарылась, словно бывалый боец спецназа. Лютикова, глядевшая себе под ноги, шла, время от времени приседая и ковыряя лопаткой в земле, прямо на нее. Софья напряглась, держа палец на «спусковом крючке» распылителя. Ненавистная соперница подходила все ближе и ближе...

Тем временем Листопадов и Глубоков двигались короткими перебежками по следам своей подопечной. Едва они углубились в лес, как Листопадов дернул Константина за рукав и выразительно приложил палец к губам. После чего они, не сговариваясь, нырнули под ближайший куст. В поле их зрения попал человек, который в этот самый момент надевал на голову черные колготки. Он стоял к ним спиной, и, кроме куртки защитного цвета, никаких примет разглядеть было невозможно.

– Это тот самый, что покушался на нее в редакции! – ше-

потом сообщил в ухо Листопадову Константин. – У него должен быть пистолет!

Словно в подтверждение его слов, незнакомец, покончив с маскировкой, достал из-за пазухи пистолет с насаженным на ствол глушителем и мелкими шажками двинулся в ту сторону, где, словно глупый козленок, бродила Лютикова.

– Обойдем его с двух сторон, – одними губами сказал Листопадов и, пригнувшись, побежал куда-то в заросли ельника. Константин остался на месте, на некоторое время потеряв типа с пистолетом из виду.

Тем временем убийца, увидев на своем пути огромную кучу листьев, решил, что лучшего места для того, чтобы спрятаться и как следует прицелиться, ему не найти. Он упал на колени и, орудуя локтями, попытался кучу разгрести. Лежавшая в листьях Софья не слышала, как он подкрадывался, – кровь стучала у нее в висках в предвкушении нападения на разлучницу. Но когда кто-то свалился на нее сверху, она страшно испугалась и моментально набрала в легкие много-много воздуха.

Тишину леса пронзил длинный женский визг. Софья перевернулась на спину и пустила в ход распылитель. Чистящее средство для ванн и унитазов ядовитым облаком окутало физиономию киллера. Тот завопил не своим голосом, вскочил на ноги и, отшвырнув пистолет, принялся сдирать с лица колготки, пропитавшиеся «Магиохлором». Отбросив их в сторону, он, по-звериному завывая, помчался в глубь

леса, петляя при этом, словно обезумевший заяц.

Услышав неподалеку от себя страшный крик, Мила подпрыгнула, потом заметалась с совком наперевес по полянке, после чего развернулась и во все лопатки дернула к станции. Глубоков, выскочивший из-под куста, бросился вслед за ней.

– Мила! – кричал он. – Не бегите! Это я, ваш частный детектив! Остановитесь сейчас же!

Листопадов же в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от места происшествия, и тут же, безо всякого раздумья, набросился на Софью. Спутать ее с киллером было легко – на ней оказалась куртка того же цвета. Кроме того, она стояла на четвереньках в куче листьев, рядом валялись распылитель, пистолет и скомканные черные колготки. В то время, как Листопадов связывал ей руки, она верещала и изо всех сил пыталась его укусить.

– Надоела ты мне, подруга, – пробормотал тот, получив ботинком по бедру, и применил болевой прием. Софья обмякла и позволила вывести себя на всеобщее обозрение.

– Боже мой! – ахнула Мила, взглядевшись в лицо «убийцы». – Держите меня, я сейчас упаду.

– Вы ее знаете? – спросил Константин, озабоченно хмурясь. Он понятия не имел, что следует делать с преступницей дальше. Они вчетвером стояли на открытом месте неподалеку от станции и пялились друг на друга.

– Конечно, знаю! Это жена Алика Цимжанова!

В ответ Софья недобро сверкнула глазами и произнесла

непечатное слово, адресуя его конкретно Миле.

– Нужно собрать улики, – мотнул головой Листопадов в сторону леса. – Там пистолет, черные колготки и какой-то распылитель. Возможно, газ.

– Вы хотите сказать, что я могла быть застрелена из-за душки Алика?! – внезапно дозрела до понимания ситуации Мила. – Из-за мужика, который мне на фиг не нужен?! Только потому, что в нем тлела искра симпатии ко мне?!

– Даже если в моем муже что-то и тлело, – закричала Софья, – то ничего бы не загорелось, если бы ты изо всех сил не раздувала огонь!

– Поэтесса! – похвалил Константин, удаляясь в лес за уликами. В одной руке у него был носовой платок, а в другой – полиэтиленовый пакет.

– Не понимаю, – сказала Мила, поворачиваясь к Листопадову и даже не обращая при этом внимания на то, что они незнакомы. – Неужели, имея такой темперамент, нельзя было устроить своему мужу грандиозную сцену ревности? Зачем же сразу хвататься за огнестрельное оружие?

– Да?! – взвилась Софья, пытаясь вырваться из рук Листопадова. – Ты не забыла, сколько лет ты мелькаешь перед его глазами?

– Но мы ведь друзья детства! Неужели после того, как он на тебе женился, я должна была с ним разругаться навсегда?

– Порядочная женщина именно так бы и поступила! Но не ты, нет! Ты держишь его на поводке! То ослабишь, а то опять

наматываешь на руку! С тех пор, как тебя бросил Орехов, ты стала изо всех сил тянуть поводок на себя!

– Ты относишься к своему мужу, как к собаке! Может быть, именно поэтому он посматривает по сторонам!

– Дамы, дамы, прекратите! – попросил вернувшийся с полным пакетом добычи Константин.

– Моя машина – там, – Листопадов показал подбородком, куда следует идти. – Мы эту дамочку сразу повезем сдавать, или как?

– Я протестую! – завопила Софья. – Я требую адвоката! Мой муж не позволит так обращаться со мной! Дайте мне позвонить мужу!

– Нет уж, сначала я ему позвоню, – зловредным тоном сказала Мила. – Вот и посмотрим, на чьей он окажется стороне.

Добравшись до машины Листопадова, они начали устраниваться, усадив Софью сзади под присмотром Константина.

Мила уселась рядом с водителем и сразу же пристегнулась ремнем.

– Держи, – сказал Листопадов, подавая Константину собственный пистолет. – Если эта штучка взбрыкнет, сними с предохранителя и прострели ей что-нибудь.

– А... Не круто? – любопытствовал тот, с опаской принимая оружие.

– Она может начать бушевать посреди дороги и устроит аварию. Водитель должен быть совершенно уверен, что ему ничто не угрожает. Из-за этого, знаешь, кошек при перевозке

сажают в специальные ящики или сумки.

– Я не кошка и жить хочу, – огрызнулась Софья, которой совершенно точно не понравился пистолет. – Уберите его, не люблю оружия.

– Да? – с иронией спросил Константин. – А тот, с глушителем, из которого вы хотели застрелить Людмилу, вас не пугал?

– С глушителем? Застрелить Людмилу? Да вы что?! Я всего лишь собиралась испортить ей фасад!

– Только не говори, что тащила с собой в лес пистолет для того, чтобы наставить мне синяков рукояткой! – съехидничала Мила. – Рассчитывала наскакивать на меня грудью и бить глушителем по носу?

Машина рванула с места, всех вжало в сиденья, а потом ощутимо трянуло. Белоснежные зубы Софьи громко клацнули.

– О каком таком пистолете вы талдычите? – Она нахмурилась, потом лицо ее просветлело: – А! Наверное, это пушка того парня, который на меня напал! Того, который был в черной маске!

– Да что вы говорите? – дурашливо переспросил Константин. – Что-то мы там никого, кроме вас, не видели!

– Но парень там был, был!

– Куда же он делся, душечка? – внес свою лепту в разговор Листопадов.

– Я прыснула ему в лицо «Магиохлором», и он убежал.

– Врет она все! – воскликнула Мила.

– Конечно, врет, – подтвердил тот. – Если бы там был еще какой-то человек, мы бы его увидели.

– Но он умчался очень быстро! – забеспокоилась Софья. – Как олень!

– Одного не могу понять, – задумчиво сказал Листопадов, – зачем, перед тем как выстрелить, надо было визжать на весь лес?

– Наверное, чтобы подбодрить себя. Или распалить, – предположила Мила. – Ведь не так-то просто порешить человека. Знаете, как ниндзя кричат перед тем, как прыгнуть и засветить противнику ногой в глаз? Так тонко, отвратительно. По крайней мере, в кино.

Софья не желала согласиться с такой трактовкой событий. Она с пеной у рта доказывала, что визжала от испуга, потому что на нее совершенно неожиданно набросился человек в черной маске.

– И у него было черное лицо без глаз! – страшным голосом говорила она, водя растопыренными ладонями в воздухе.

– Куда поедем? – спросил Листопадов, прервав поток ее красноречия. – Мы ведь так и не договорились.

– Поедем к Алику в редакцию, – предложила Мила. – Если что, туда и милицию можно вызвать. Кроме того, там на входе охранники есть, вооруженные.

– Ладно, – поколебавшись, согласился Листопадов. – Только я буду держать пистолет под курткой. На всякий слу-

чай. Если наша бандитка вдруг решится на какую-нибудь глупость.

«Боже мой, отчего я такая невезучая? – мысленно стенала Софья. – Откуда взялись все эти люди? Ведь мы были одни в подмосковном лесу, где в такое время года не должно быть живой души!»

«Интересно, – думала тем временем Мила, – как я объясню произошедшее бедному Алику, когда мы всей толпой нагрянем к нему в кабинет? Надо позвонить ему заранее, чтобы он не испугался».

– Простите, Константин, – вежливо сказала она, обернувшись к Глубокову, который, держа на изготовку пистолет, страшно напрягался и потел. – Можно воспользоваться вашим мобильным телефоном? А то вдруг Алика нет на месте? Тогда наше вторжение в редакцию потеряет всякий смысл. Или только развлечет секретаршу Любочку.

– Я бы рад, но у меня заняты руки, – ответил тот, не сводя глаз со злобно щурившейся Софьи.

– Воспользуйтесь моим, – любезно предложил Листопадов и подал трубку.

– Алло, Алик! – ненатурально оживленным голосом воскликнула Мила через минуту. – Это я. Я тоже ужасно рада тебя слышать.

Софья за ее спиной засопела, и Глубокову пришлось пошевелить пистолетом, чтобы она в порыве чувств не вцепилась Лютиковой в волосы.

— Мы тут... э-э-э... встретились с твоей женой, — продолжала та. — Причем при довольно щекотливых обстоятельствах. Нет-нет, со мной все в порядке, не беспокойся. Да, твоя Сонечка действительно вела себя ужасно. Кстати, она тут рядом со мной. Угу. Мы с ней, знаешь, Алик, уже подъезжаем к редакции. Затем, что нам надо поговорить. Да, мы приедем вдвоем. Впрочем, нет, нас в машине целых четверо. Понимаешь, потребовались два мужика, чтобы сдерживать порывы твоей жены. Да, она покушалась на меня. И у нее, Алик, был пистолет. Впрочем, если не хочешь в этом участвовать, мы сдадим ее в милицию. У нас и улики с собой. Нет? Я тоже думаю, что стоит разобраться полюбовно. Ладно-ладно, тогда жди.

Алик встретил их нахмуренным челом, вдохновенно растрепанной прической и нечленораздельным восклицанием. Вся компания ввалилась в кабинет, взволновав Любочку Крупенникову мрачными и решительными физиономиями. И если двое незнакомых мужчин выглядели вполне прилично, то жена шефа, впрочем, как и его подруга Лютикова, напоминали дворничих в грязных куртках и грубых ботинках. Кроме того, на голову Софьи была натянута тесная вязаная шапочка, из-под которой выбивались лохматые космы. Несмотря на природную красоту, сейчас она была похожа на черта. Плюс ко всему это пугающе ожесточенное выражение лица...

– Рассаживайтесь, – нервно предложил Алик, поведя руками в стороны. – Скажу честно, я не в своей тарелке.

– Знакомься, Алик, это Константин Глубоководный, частный детектив, – начала Мила. – А это... – Она поглядела на Листопадова и замерла с открытым ртом. Только сейчас до нее дошло, что она понятия не имеет, кто это такой.

– Это Александр, мой помощник, – пришел ей на помощь Глубоков и неожиданно для всех сообщил: – Мы поймали вашу жену в лесу, Альберт Николаевич. Она там охотилась за Людмилой. У нее был пистолет с глушителем, маска и отравляющее вещество в баллоне с распылителем. Все это у

нас в машине.

– Я потрясен, – сказал бледный Алик, помолчав некоторое время и избегая встречаться со своей благоверной глазами. – Даже не знаю, что сказать! Наверное... раз так... и улики... – забормотал он. – Нужно вызвать представителей закона, может быть?

– Алик! – взвизгнула Софья, так высоко подпрыгнув на стуле, словно из сиденья выскочили пружины. – Ты меня предаешь?!

– Но, дорогая, – холодно ответил тот, гордо выпрямившись и посмотрев на нее наконец в упор. – Ведь ты встала на путь преступления. Кстати, откуда у тебя пистолет?

– Это не мой пистолет! – брызжа слюной, закричала Софья. – Что же вы за кретины такие? Это пистолет того черного типа, который кинулся на меня сверху, когда я лежала в листьях!

– Черного типа? – внезапно забеспокоился Алик. – О ком это ты говоришь? Ну-ка, ну-ка...

– Дайте я все объясню! – рыкнула Софья на Листопадова, который совершенно определенно собрался встрять в разговор. – Только сначала поклянись мне, что у тебя с ней ничего не было! – Она сверкнула глазами в сторону нервно облизнувшей губы Милы.

– Клянусь, – тут же ответил Алик, мельком пояснив для присутствующих: – В таких вещах с ней лучше не спорить.

– Я подслушала твой разговор с Виталиком, – деловито

начала Софья. – И поняла, что до ресторана вас с Лютиковой допускать нельзя.

– Кх-м, – сказал Алик, медленно серея.

– Ну и... чтобы Лютикова уж совершенно точно не смогла составить тебе в пятницу компанию, я решила побрызгать ей в лицо кислотой...

– Что-о-о?! – закричала Мила, вскакивая на ноги. – Что ты решила сделать?!

Она покраснелась и, рванув «молнию» куртки вниз, хотела кинуться на Софью, но тут на пол, прямо ей под ноги, с глухим стуком начали падать комья грязи.

– Господи, что это? – еще сильнее испугался Алик. – Милочка, это откуда сыплется?

Сыпались корни травы из порвавшегося пакета, который та засунула себе за пазуху.

– Извини. – Мила упала на четвереньки и принялась сгребать грязные корешки руками в кучу. – Сейчас я все уберу, не беспокойся. Там, в лесу, я боялась, что Софья меня застрелит, поэтому упала животом на землю, а ты же знаешь, какая сейчас грязь, особенно за городом...

– Оставь! Я позову Любочку...

– Что ты, что ты! Я сама, в пакетик, вот, все будет как раньше.

– Я поехала к ее дому, – вклинилась нетерпеливая Софья, которую просто распирало желание хотя бы частично реабилитироваться в глазах мужа. – Проследила ее до вокзала, се-

ла вместе с ней в электричку и, спрыгнув с платформы, прокралась в лес, по опушке которого эта мадам бродила с совком. Кстати, что ты там ковыряла?

– Не твое собачье дело! – огрызнулась та, продолжая ползать по полу. Мужчины боязливо поджимали ноги.

– Ведьма! – вынесла вердикт Софья. – Я залегла в листьях, рассчитывая, что, когда она подойдет поближе, я выскочу и... это... прысну. Но тут на меня напали сзади. Я закричала, перевернулась, ну и... со страху прыснула. Кислотой в лицо этому типу. Вернее, в маску. У него на голове был черный чулок. Вернее, даже не так: черные колготки.

Мила перестала собирать корешки и замерла, недвижимым взором уставившись на щеголеватые ботинки Глубокова. Под ее пристальным взором он нервно потопал.

– Пойдите! – внезапно воскликнул Алик, вытягивая руку ладонью вперед. – Это не может быть совпадением. Накануне мне звонили по телефону. Ужасный скрипучий голос, принадлежавший какому-то чудовищу. Голос сказал, что меня хотят убить, застрелить из пистолета. И что покушение готовит человек в черных колготках на голове! Честно говоря, я испугался. И знаете почему?

– Ну-ну, – подбодрил его Листопадов.

– У нас несколько дней назад в здании была стрельба. Девочки из юридической конторы шли с обеда, и тут на них выскочил человек в черном, на голове – маска, в руке – пистолет. Девочки завизжали, и этот тип выстрелил в потолок.

И убежал. Это случилось этажом ниже, кстати сказать. Он прятался там в туалете. Все были просто в шоке.

– Погоди-ка, погоди-ка! – Мила проворно поднялась на ноги и блестящими глазами уставилась на Алика. – Это случилось не в тот ли день, когда мы с тобой целовались на балконе?

Едва только она успела закончить фразу, как Софья ракетой стартовала со стула, и уже через секунду ее разгневанный кулак достиг физиономии супруга. Она ударила его точно в лоб с силой, которой мог бы позавидовать боксер тяжелого веса. Алик взмахнул руками, словно человек, потерявший равновесие на краю обрыва, некоторое время постоял, глядя вдаль невероятно изумленными глазами, после чего свалился на спину мягким кульком. Софья попыталась прыгнуть следом, но подоспевшие мужчины удержали ее за руки. Она вырывалась и рычала.

– Кто ж вас дернул за язык? – прокряхтел Листопадов, обращаясь к вымазанной грязью Миле, которая тупо смотрела на схватку, держа в вытянутой руке аккуратно завязанный пакетик. – Нашли перед кем хвастаться своими подвигами!

Кидаясь на помощь Листопадову, Константин оставил доверенный ему пистолет на стуле. Подобрал его от греха подальше, Мила вышла в приемную и, дирижируя им, обратилась к Любочке:

– Там... э-э-э... Альберту Николаевичу немного не по себе.

– Да? – выдавила Любочка, сглотнув.

– Да. Он, знаете ли, ударился лбом. Вы бы вызвали врача.

– У нас тут, внизу, на первом этаже медицинская фирма, – пискнула та, мышкой выскользнув из-за стола. – Я мигом.

На подламывающихся каблуках Любочка пробежала через всю приемную и вылетела в дверь, словно пробка, соскочившая с кипящего чайника.

– Отлично, отлично, – пробормотала Мила и отбросила пистолетом волосы со лба. – Думаю, все как-нибудь утрясется.

Ольга сидела на диване, поджав под себя ноги, и тыкала во все стороны искуренной сигаретой, пытаясь на ощупь обнаружить пепельницу.

– В общем, зря я радовалась, – закончила свой рассказ Мила. – На поверку выяснилось, что стреляла в меня таки не Софья.

– Тебе надо было стать десантницей, – с отвращением сообщила Ольга. – На ее жизнь дважды покушались, а она поехала в лес за травой, одна, никому ничего не сказав... Боже мой, какой же надо обладать смелостью!

По ту сторону двери скрипнули половицы. Подозревая, что это Николай подслушивает их разговор, Мила громко спросила:

– А где твой молодой нахлебник? Обложился шелковыми подушками и прямо в постели составляет бизнес-план гран-

диозного проекта?

– Почему ты не оставишь в покое бедного Николая? – изумленно спросила Ольга. – Он ведь даже не попадаетея тебе на глаза!

– Здесь витает его дух, – с отвращением сказала Мила. – От него столь явственно веет бездельем, что это душит меня.

– А ведь ему обидно, что ты о нем такого ужасного мнения!

Половицы скрипнули еще раз, и Мила добавила:

– Ну, если он хочет задержаться в нашем доме, – она вдохновенно махнула рукой, – пусть начинает зарабатывать. Хотя бы себе на носки и лезвия для бритвы. Кстати, Ольга, от него вечно пахнет какой-то дрянью с мятным привкусом.

– А зачем ты его нюхаешь? – равнодушно спросила та. – Ему нравится дурацкая туалетная вода, и даже я ничего не могу с этим поделать.

– Боже мой, Ольга, как у меня болит голова!

– Нет, пить я тебе больше не советую.

– Зачем я вчера влила в себя столько алкоголя?

– Ты убивалась по невинно убиенному Хлюпову. Благородный человек! Когда он догадался, где наелся отравы, мог настучать на тебя в милицию.

– За что?! – возмутилась Мила. – Не я же предложила ему отведать поганок!

– Кстати, а что у нас Глубоководный? Какую версию он теперь разрабатывает?

– Не знаю, он мне не докладывал. Но какой же он молодец! Поймал Софью. Да как вовремя! В противном случае я могла бы остаться без глаз. И главное, совершенно ни за что.

– Но ты же целовалась с Аликом! – уличила ее Ольга.

– Дорогая, мы же не в седьмом классе. Из «целовалась» дела о супружеской измене не скроишь, не правда ли?

– Надеюсь, Софья больше не станет за тобой охотиться.

– Ей некогда, она сидит у постели поверженного Алика.

– Как он себя чувствует?

– Потерянным. У него поникли крылья. Софья убила его мечту.

– Какую мечту? – с недоумением переспросила Ольга.

– Как какую? Изменить ей по-тихому.

– Ничего себе мечта!

– Ольга, если бы ты знала, какие у большинства людей низкие мечты, ты бы поняла, что эта – одна из самых романтических. Ты сама, например, гредишь об иномарке.

– Тю, так это только сейчас!

– Ага. А раньше ты мечтала о том, как бы женить на себе Николая. А перед этим – как скрыть от него свой подлинный возраст.

– Тише, Милка! – рассердилась та. – Хоть у нас и толстые стены, я не хочу, чтобы даже они слышали такие откровения.

– Как ты думаешь, – с неожиданно проснувшимся любопытством спросила та. – Если он узнает, сколько тебе на самом деле лет, он сбежит?

– Интересно, кто же ему скажет? – поинтересовалась Ольга, впериw в сестрицу подозрительный взгляд.

– Мало ли! Сорвется у кого-нибудь с языка...

– Только *вместе* с языком, – безапелляционно заявила сестрица.

– Знаешь, я тебе завидую. Хотела бы я влюбиться так, как ты. На старости лет...

– Тсс! Милка, еще одно слово – и я тебя задушy.

– Молчу, молчу. Кстати, Глубоководный приставил ко мне своего помощника. Зря я ему не доверяла! Думала, что, кроме выпендрежа, там ничего нет. Но это оказалось не так! Теперь его Саша сопровождает меня повсюду.

– Саша? Вот так так! А где он сейчас? – полюбопытствовала Ольга.

– Наверное, сидит внизу, в машине. Ждет меня.

– Со вчерашнего вечера?!

– Ну... – неопределенно протянула Мила, которая заехала к Ольге ненадолго и неожиданно для себя напилась в стельку пьяной, после чего, как повелось, заночевала в своей старой комнатке. – Наверное, он тоже вздремнул.

Ольга выпятила вперед нижнюю губу и свела брови на переносице.

– Милка, – понизив голос, сказала она, – тут что-то не то.

– Что не то?

– Что-то не то с этим Глубоководным. Не может человек за сто рублей в день предоставлять такие услуги клиенту. По-

ставь себя на его место. Да этой сотни в день хватит только на бензин и чашку кофе. Даже не смешно!

– Меня тоже посещала эта мысль, – тут же согласилась с ней Мила. – Только она как-то заблудилась в голове в связи с последними событиями.

– А давай позвоним в какое-нибудь детективное агентство и узнаем, какие у них расценки!

– Давай, – согласилась Мила.

После того как сестры узнали цены на услуги, у обеих резко испортилось настроение.

– У меня есть две версии, – сделала вывод Ольга. – Или это не частный детектив, а бандит, который зачем-то втерся к тебе в доверие... Или это настоящий частный детектив, только работает он не на тебя. И нормальные гонорары платит ему кто-то другой. Ну, как тебе мои рассуждения?

– Я должна срочно вернуться домой! – засобиравлась Мила, вскакивая на ноги. – Мне нужно варить мазь. Много мази!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.